

ПЕДАГОГИКА. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

Рецензируемый научно-методический журнал

ISSN 2227-3913 № 4 (12) 2014 г.

Журнал выходит 4 раза в год

*Распространяется
в Российской Федерации
и зарубежных странах*

*Зарегистрирован 25 ноября 2011 г.
в Министерстве РФ по делам печати,
телевещания*

и средств массовых коммуникаций

Рег. номер ПИ № ФС77-47420

Редакция:

Главный редактор

Александрова Наталья Сергеевна,
доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Булдакова Наталья Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный редактор

Мальцева Светлана Александровна,
кандидат биологических наук

Научные редакторы

Городилова Светлана Александровна,
кандидат психологических наук

Злыгостева Наталья Ильинична,
кандидат философских наук, доцент

Маури Андрей Альбертович,
доктор педагогических наук

Трушков Сергей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент

Юлов Владимир Федорович,
доктор философских наук, профессор

Адрес редакции:

610002, г. Киров, ул. Казанская, 91.
Тел./ факс: (833-2) 37-51-61, 67-02-35.
E-mail: nauka@vsei.ru, rus@vsei.ru

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.

Получение материалов для публикации
означает согласие авторов на передачу
права на издание отредактированного
варианта статьи в журнале.

© Вятский социально-экономический
институт, 2014

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Комарова Тамара Семеновна,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Москва)

Члены редакционного совета

Гончарук Алексей Юрьевич,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Москва)

Захарищева Марина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Глазов)

Лебедев Юрий Александрович,
доктор философских наук, профессор,
академик РАО
(г. Нижний Новгород)

Лежнина Лариса Викторовна,
доктор психологических наук, профессор
(г. Йошкар-Ола)

Мухаметзянова Фарида Шамилева
доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
(г. Казань)

Петрова Татьяна Николаевна,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Чебоксары)

Сизов Владимир Сергеевич,
доктор экономических наук, профессор
(г. Киров)

Ситаров Вячеслав Алексеевич,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Москва)

Тимонин Андрей Иванович,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Кострома)

Филиппов Юрий Владимирович,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Нижний Новгород)

Филитова Людмила Васильевна,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАО
(г. Нижний Новгород)

Хохлова Валентина Васильевна,
доктор социологических наук, доцент
(г. Нижний Новгород)

Шаров Виктор Иванович,
доктор юридических наук, профессор
(г. Нижний Новгород)

Содержание

ПЕДАГОГИКА

- Гончарук А. Ю.* Аналитические проблемы социально-педагогического образования в условиях информатизации общества 4
- Александрова Н. С.* Этнокультурное развитие личности в современном обществе средствами народной игрушки 13

ОБЩЕСТВО

- Сизов В. С.* Старчество как образец духовного руководства 32
- Капустин А. Г.* Состояние здоровья и физической подготовленности допризывной и призывной молодежи Кировской области 42

ПРАВО

- Пекшев А. В.* К вопросу о дееспособности психически больных 50
- Гаврилюк Е. Д., Фищева Т. П.* Сущность уголовного наказания: уголовно-правовой и криминологический аспект 57
- Рогова Н. Н., Фищева Т. П.* Проблемы применения условного осуждения 62

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Помелов В. Б.* Выдающийся просветитель Вятской земли епископ Лаврентий Горка 67
- Трушков С. А.* Специфика деятельности мировых посредников в Вятской губернии (1861-1874 гг.) 82
- Тимкин Ю. Н.* Политическая модернизация России и становление местного самоуправления (по материалам Вятской губернии 1917-1921 гг.) 89

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Лимонова И. В.* Социально-культурная адаптация детей раннего возраста в условиях групп кратковременного пребывания 100

Contents

PEDAGOGICS

- Goncharuk A. Yu.* Analytical Problems of the Socio-pedagogical Education
in the Conditions of Society Computerization 4
- Alexandrova N. S.* Ethno-cultural Person's Development in the Modern Society
by Means of a Folk Toy 13

SOCIETY

- Sizov V. S.* Eldership as an Image of Spiritual Guidance 32
- Kapustin A. G.* Health Grounds and Physical Fitness of Preinduction
and Induction Youth of the Kirov Region 42

LAW

- Pekshev A. V.* To the Question of Brain-Sick Capability 50
- Gavriluk E. D., Fishcheva T. P.* Criminal Penalty Essence: Criminal-Law
and Criminological Aspects 57
- Rogova N. N., Fishcheva T. P.* Problems of the Suspended Penalty Appli-
ance 62

LOCAL HISTORY

- Pomelov V. B.* An Outstanding Enlightener of the Vyatka Land – Bishop
Lavrenty Gorka 67
- Trushkov S. A.* A Specific Character of the Conciliators' Activity in the Vyatka
County (1861-1874) 82
- Timkin Y. N.* Russia Political Modernization and Local Self-regulation
Formation (Vyatka Province 1917-1921) 89

YOUNG RESEARCHERS

- Limonova I. V.* Tender Age Children Socio-cultural Adaptation in Groups
of Short Period Staying 100

❖ ПЕДАГОГИКА

А. Ю. Гончарук

Аналитические проблемы
социально-педагогического образования
в условиях информатизации общества

A. Y. Goncharuk

Analytical Problems
of the Socio-pedagogical Education
in the Conditions of Society Computerization

Авторская система социально-педагогической эмотивации профессора А. Ю. Гончарука, апробированная в Российском государственном социальном университете в 2003-2014 гг., – является действенным комплексом развития инновационных информационно-коммуникативных технологий в комплексном решении аналитических проблемы социально-педагогического образования учащихся бакалавриата, магистратуры, студентов, аспирантов и докторантов кафедры социальной и семейной педагогики факультета социальной работы, педагогики и ювенологии Российского государственного социального университета.

Ключевые слова: аналитические проблемы, социально-педагогическая эмотивация, социально-педагогическое образование, инновационные информационно-коммуникативные подходы, комплексное решение, авторская система.

Authoring system of the socio-pedagogical emotivation by prof. A. Yu. Goncharuk, tested in the Russian State Social University in 2003-2014 is an effective system of innovative informational and communicational technologies development in a complex solving of the analytical problem of socio-pedagogical education of undergraduate, graduate, postgraduate and doctoral students of the of the social and family pedagogy department, pedagogy and Youth Studies in the Russian State Social University.

Keywords: analytical problems, socio-pedagogical emotivation, socio-pedagogical education, innovative informational and communicational approaches, complex solving, authoring system.

В течение последних десятилетий исследование аналитических проблем информатизации общества в системе социально-педагогического образования в условиях университетской высшей научной школы превратилось в одну из наиболее актуальных тем глобальных отечественных и зарубежных гуманитарных исследований. Детерминанты, определившие развитие социально-педагогического образования посредством инновационных информатизационно-коммуникативных технологий, обусловили качественное изменение научно-теоретических приоритетов, расширив проблемный круг исследований информатизации в предметном поле аналитических наукоемких контекстов. Современные теоретико-методологические приоритеты эффективного социально-педагогического образования открывают новые стороны исследуемых объектов и наглядно демонстрируют глобальные гносеологические тенденции, изменения мировоззренческих основ, формирующих целостную картину мира современного человека. Рассмотрение данных проблем проводим на основе комплексного контент-анализа результатов реализации новейших авторских программ, созданных, апробированных в многоплановой взаимодейтельности с учащимися бакалавриата, магистрантами, студентами, аспирантами и докторантами кафедры социальной и семейной педагогики факультета социальной работы, педагогики и ювенологии Российского государственного социального университета.

Эволюция теоретико-методологических подходов к информатизации гуманитарных наук привела к аспектному расширению, формированию инновационных исследовательских тенденций-трендов как в прикладной, так и поисковой сфере социально-педагогического образования. В структуре аналитико-проблемных инноваций особое место занимают вопросы регулирования информатизации, социально-педагогического соуправления ее процессами. Проблемный анализ российских и зарубежных социально-педагогических систем в соуправления информатизацией общества на базе их теоретико-методологических основ демонстрирует блок эпистемологических противоречий, требующих разрешения в контексте общей теории и методологии наук об образовании в реализации конкретных гибких технологичных систем.

Характер социально-педагогических трансформаций образовательных технологий, вызванных процессами информатизации, позволяет утверждать недопустимость стихийного течения данного явления, способного спровоцировать усиление энтропийного фона, сформировать препятствия устойчивому развитию. Стихийная информатизация чревата непредсказуемыми следствиями и неконтролируемыми негативными эффектами (например, игнорирование традиционно-классических первооснов непосредственного межлич-

ностного общения социального педагога и его воспитанника; подмена «живого» приоритета общечеловеческого общения техницированными виртуальными суррогатами), способными нанести непоправимый вред гуманистическому развитию триалога государства, общества и каждой отдельно взятой личности нашего коллеги-воспитанника. Современные достижения в сфере информационного оперирования социально-педагогическими системами амбивалентны, используясь как во благо прогрессу цивилизации, так и во вред, что видно на примере бурного количественного роста сетевых ресурсов экстремистской направленности, а также трансформации представлений об информационной безопасности.

Социально-педагогическое соуправление прогрессивно-образовательной информатизацией, формированием систем средств прогнозирования, контроля и коррекции ее антиобщественных рецидивов – закономерная стадия в созидании эффективных средств самосовершенствования воспитывающих общество комплексов на современном этапе.

Особую актуальность данная проблема приобретает для России в силу специфики естественно-творческого решения аналитических проблем социально-педагогического образования в условиях его современного состояния: информатизация в данной ситуации может стать как неопозитивным фактором развития в новых экономических и политических реалиях, так и катализировать внеплановые общественные риски, выступая причиной социальных напряжений, фактором усиления социальной дифференциации, усложнения адаптации в трансформирующемся обществе и даже дебилизации отдельных социальных групп как акторов рассматриваемого нами конвергенционного процесса.

Образовательные реформы, развернувшиеся с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время (включая вступивший в силу 1 сентября 2013 г. Закон «Об образовании в Российской Федерации»), не только кардинально изменили внутреннюю экономическую и политическую ситуацию социально-педагогического образования, но и своеобразно трансформировали роль нашей страны на мировой политической и экономической арене. С одной стороны, открывались инновационно-общекommunikативные перспективы интеграции образовательных технологий в партнерство ведущих государств, формирующее практику управления глобальными процессами, трендами развития общества. С другой стороны, недостаточно системный характер решения аналитических проблем социально-педагогического образования в триединстве государства, общества и каждой отдельной личности обусловил отставание России, в т. ч., в формировании информационного общества, и ослабление наших позиций в кругу мировых лидеров экономики,

науки и промышленности. Возрастающая в современных условиях необходимость интенсификации развития информационного общества в России обуславливает необходимость совершенствования социально-педагогического соуправления процессами информатизации с ориентацией на смену стратегии «следования за лидером» на стратегию стремления к лидерству, на инициирование новых направлений образовательного саморазвития. Возможности соуправленческого социально-педагогического воздействия на информатизацию как глобальный цивилизационный тренд, вхождение в число стран, занимающих лидирующие позиции в информационном обществе, – открывают перспективы усиления влияния России на векторы и содержание мирового экономического, социально-политического и культурного развития. В современных социально-педагогических условиях становления университетской научной школы известная сентенция «Кто владеет информацией – тот владеет миром» трансформируется в положение «Кто управляет информатизацией – тот управляет миром».

Эффективное решение современных аналитических проблем систем социально-педагогического соуправления информатизацией общества демонстрирует разрешение эпистемологических противоречий между беспрецедентным характером информатизации как объекта авторитарного навязывания законодателями исполнителям бюрократически-сложной иерархией проектов регулирования информатизации и – несоответствием их теоретико-методологическим принципам, лежащим в основе стратегических образовательных инициатив. Современная практика информатизации высшего образования в России игнорирует феноменологическую сложность, многофакторный характер социально-педагогического акцентуирования, иерархичности ее акторов, разноуровневости систем агрессивно подменяющей непосредственный диалог ученых и технологов бумаготворческой отчетностью, что выступает причинами «размытости» приоритетов гуманитарного соуправления информатизацией при игнорировании чиновниками важности единства целеполагания и стратегий, координирующих технологические действия, обеспечивающие эффективность частных, но разрозненных между собой проектов.

Самокритичное рассмотрение современной практики решения аналитических проблем социально-педагогического образования в условиях соуправления информатизацией общества позволяет говорить о неэффективности административных и ведомственных форматов управленческого воздействия на социальные системы микроуровня, на профессиональное поведение отдельных членов общества, их интеграцию и адаптацию к реалиям возможной постиндустриальной доктрины. Имплантация информационно-технологических новаций в устоявшуюся систему социальных отношений (например, «электрон-

ное правительство») выдвигает необходимость выработки подходов и инструментов ее социально-педагогической реструктуризации, изменений на личностно-психологическом уровне, формирования нового типа информационной культуры личности, а также нового типа социального поведения субъектов университетского образования.

Влияние информатизации на методологию и технологии соуправления социально-педагогическим образованием в контекстах университетской научной школы: заставляет творчески переосмыслить весь предыдущий вузовский опыт; формирует новые возможности общественного регулирования и проектирования, достижения недоступных ранее уровней управляемости социальными системами; обуславливает модификацию классических, традиционных технологический формирования воспитывающих учащуюся молодежь коммуникативно-творческих взаимоотношений с профессурой – наставниками учащихся бакалавриата, магистратуры, студенчества, аспирантов и докторантов. Управление информатизацией как новационная функция социально-педагогического образования требует самокритичного переосмысления поисковой доминанты ее прикладной методологии. Ориентация на управление глобальными цивилизационными трендами (информатизацией, глобализацией и ее декомпозициями по аспектам социальной жизни: глобализацией экономики, культуры и т. д.) намечает новые векторы исследований в системе университетской научной социальной педагогики. Инновации акцентируют внимание ученых и практиков на необходимости привлечения наукоемких технологий в сферу социально-педагогического образования, в управление глобальными тенденциями развития общества (в т. ч., в управление информатизацией в России, в целом).

Таким образом, объективные тенденции научного осмысления процессов информатизации в системах социально-педагогического образования определяют актуальность, диктуют специфику становления, саморазвития и творческого совершенствования собственно континуума коммуникативной культуры университетской научной школы. Основные аналитические проблемы формирования концептуально единого представления о системе управления информатизацией проецируются в фундаментальный технологический комплекс построения теоретико-педагогического подхода к исследованию систем соуправления ею. Недостаточный уровень социально-педагогического переосмысления, применения образовательно-технологических разработок к разрешению прикладных проблем управления информатизацией делают изучение данного предметного поля остро актуальным. Основная аналитическая проблема заключена в необходимости преодоления противоречий между существующими системами управления процессами информатизации и – эмотивно-образным характером

их теоретико-методологического социально-педагогического осмысления в системе университетской научной школы. В докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры» содержатся американизированные прогнозы тенденций и сценариев развития планеты на обозримую перспективу ближайших десятилетий. Основываясь на тех изменениях в системе международных политических и экономических отношений, которые происходят сегодня в мире, прогрессивно-независимые американские эксперты самокритично прогнозируют кардинальное перераспределение влияния между существующими центрами силы. «Мегатенденции», рассматриваемые американскими авторами Доклада в качестве важнейших сдвигов в системе международных отношений, приведут, по их мнению, к потере Западом роли лидера мирового развития, которую он выполнял на протяжении почти 400 лет. По оценкам экспертов, изменения затронут как сами государства, так и сферу взаимоотношений государственных и негосударственных субъектов мировой университетской образовательной политики. В основе прогнозных оценок лежит расширенный индекс глобального влияния, включающий как традиционные показатели влияния (ВВП, численность населения, уровень военных расходов и технологических инвестиций), так и новые показатели уровня состояния здоровья граждан, качество образования (выделено мною. – А. Г.) и развитость системы управления. Как утверждается в докладе, к 2030 г. ни одно государство в мире, включая США, не сможет единолично выполнять функции державы-гегемона. Основными источниками конфликтов будущего эксперты считают энергоресурсы, дефицит питьевой воды, а также развитие высоких технологий, с помощью которых не только государственные, но и негосударственные акторы могут получить доступ к ядерному оружию, управлять террористическими сетями и пр. В результате проведённого анализа, американские эксперты формулируют своё видение альтернативных сценариев развития мира, которые подразумевают изменения на глобальном, региональном и местном уровнях. Российские учёные Московского государственного университета международных отношений приводят собственный критический анализ сформулированных в американском Докладе сценариев. Их адаптационные характеристики в конкретике мировых трендов в российской реальности воспитания в университетской молодёжи РГСУ чувств сплочённости общества и социальной справедливости в системе социокультурно-педагогических ценностей любых подобных им потенциально-перспективных тенденций. В нашем 45-летнем школьно-университетском образовательном опыте доказано, что именно социокультурно-педагогическое использование лучших произведений художественного творчества принципиально важно в эпоху информаци-

онных технологий: оно открывает перед молодым россиянином наиболее доступный способ получения элементарных начал нравственно-эстетических знаний. На основе проведённого исследования сделаем следующие выводы.

1. В современной ситуации становления новой университетской социокультурно-педагогической парадигмы, отвечающей потребностям нравственно-эстетически коммуникативного развития постиндустриального или информационного общества, принципиально важно поставить лучшие произведения мировой культуры, художественного творчества «на службу» разностороннего и гармоничного до-воспитания человека XXI в. в системе коммуникативно-творческой реориентации высшего образования на синтез традиционно-классических, современных и потенциально-перспективных общечеловеческих ценностей.

2. В отечественной и зарубежной педагогической социокультурологии накоплен значительный теоретический материал и практический опыт коммуникативного образования будущих бакалавров и магистров. В то же время, катастрофично отсутствуют фундаментальные исследования, разработки, предметом которых является использование зрелищных, аудиовидеоискусств в основных и внеаудиторных формах психологии и педагогики высшего образования университета.

3. Одним из перспективных средств нравственно-эстетического развития учащегося в университете молодого человека служит наша теория социокультурно-педагогической эмотивации, разработанная автором на основе классических и современных образовательных идей с учётом реалий современной жизни в 1969-2014 гг. Система социокультурно-педагогической эмотивации представлена в монографических исследованиях как совокупность концептуально-теоретических основ, технологических средств, приёмов нравственно-эстетического саморазвития личности слушателя средствами психологии и педагогики высшей университетской научной школы, учитывающих эмоционально-образную природу зрелищных, аудиовидеоискусств и реализуемых в экспериментально моделируемых общественно-воспитывающих условиях.

4. Основой методических разработок служит предположение о том, что поскольку эмоционально-образная природа зрелищных, аудиовидеоискусств является эмпирической первоосновой, «вектором» ценностных художественных ориентаций пожилого воспитанника, то модель социокультурно-педагогических условий их становления, развития разносторонне-гармонично отражает объективную, субъективную фактуру эмотивной организации процесса воздействия образовательных неопозитивов психологии и педагогики выс-

шей школы на совершенствование нравственно-эстетического отношения воспитанника университета к себе как части осваиваемой им действительности.

5. Технологический, поисковый подходы к использованию коммуникативно-творческой системы самообразовательных условий, в которых может быть успешно реализована концептуально-теоретическая модель социокультурно-педагогической эмотивации, характеризуются своими уникальными развивающими возможностями, взаимно дополняя друг друга.

6. Опыт развития социокультурно-педагогического отношения воспитанника к университетской действительности, полученный им на академических занятиях, в процессе внеаудиторных форм коммуникативно-творческой деятельности, благотворно влияет на его мировоззрение и психологический статус в обществе.

7. Полученные в работе результаты, выводы могут реально практически использоваться преподавателями социальной педагогики, образовательной культурологии высшей школы в любых университетах мира, вузах разного профиля и типа, а также при подготовке преподавателей социокультурно-педагогических дисциплин в комплексе искусств, нравственно-эстетического творчества на курсах повышения квалификации и технологической переподготовки научных кадров.

Предстоит продолжать осваивать новейшие системы медиа коммуникативных средств как каналы творческого сотрудничества университетских научных школ мира, позволяющий воспитанникам, их духовно-нравственным учёным-наставникам оперативно получать, передавать, усваивать и транслировать социокультурно-педагогическую информацию.

Авторская система социально-педагогической эмотивации, апробированная в Российском государственном социальном университете в 2003-2014 гг., – является действенным комплексом развития инновационных информационно-коммуникативных технологий в комплексном решении аналитических проблеме социально-педагогического образования.

Список литературы

1. Гончарук, А. Ю. Авторская технология социально-педагогической эмотивации в контексте инновационной деятельности в системе образования // Инновационная деятельность в системе образования: монография. – Ч. IV. -М.: Издательство «Перо», 2012, с. 6-48.

2. Гончарук, А. Ю. Образование и духовность в современном российском обществе в системе теории и истории музыкальной соци-

ально-педагогической культуры // Образование и духовность в современном российском обществе: монография. – Ч. III. – М.: Издательство «Перо», 2012, с. 34-67.

3. Гончарук, А. Ю. Основы теории и истории социально-педагогической культуры: учебное пособие. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 162 с.

4. Гончарук, А. Ю. Социально-педагогическая культура, искусство и религии регионов России (народное художественное творчество): монография. – М.: РГСУ, 2012. – 216 с.

5. Гончарук, А. Ю. Социально-педагогическая культурология: учебно-методическое пособие. – Ч. I. – М.: Перспектива, 2012. – 180 с.

6. Гончарук, А. Ю. Воспитание нравственно-эстетического отношения юношества к действительности: монография в 2-х ч. – М.: 2013. – 182 с.

7. Гончарук, А. Ю. Общественно-образовательные основы инновационных подходов в нравственно-эстетическом воспитании юношества в контексте системы социально-педагогической эмотивации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2013. – № 1 (112). – С. 64-71.

8. Гончарук, А. Ю. Психология и педагогика высшей школы: учебно-методическое пособие по III государственному стандарту. – М.: Перспектива, 2013. – 172 с.

9. Гончарук, А. Ю. Socio-pedagogical technologies and forms interdisciplinary integrated education bachelors means audiovideoarts on the system if humanities education in the Moscow region // Applied and Fundamental Studies. – V. 2. Proceedings of the 2-nd International Academic Conference, March 8-10. -2013. – St. Louis, Missouri. – USA. – pp. 20-25.

10. Goncharuk, A.Yu. Sociocultural and pedagogical emotivation as a theoretical and methodological basis and prospect of development of communicative and creative university systems in XXI century // In: Science, Technology and Higher Education: Materials of the IV International research and practice conference. – Vol. II., January 30-th, 2014. – Canada: Westwood, 2014. – pp. 157-159.

11. Гончарук, А. Ю. Актуальные проблемы психологии и педагогики высшей школы в системе аудиовидеоискусств // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35. – С. 154-161.

12. Гончарук, А. Ю. Прогрессивные образовательные технологии в авторской системе социокультурно-педагогической эмотивации // Вопросы образования и науки: теоретический и методологический аспекты: сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 31 мая 2014 г. – Ч. 6. – Тамбов, 2014. – С. 30-31.

Н. С. Александрова

Этнокультурное развитие личности в современном обществе средствами народной игрушки

N. S. Alexandrova

Ethno-cultural Person's Development
in the Modern Society by Means of a Folk Toy

Статья посвящена проблеме сохранения в современной жизни черт патриархальной культуры и оживления духовно-культурных традиций. В статье дан исторический экскурс и характеристика видового разнообразия промысловых игрушек. Особое место уделено специфике художественно-эстетического опыта народа, отраженного в игрушках и эстетического отношения мастера к процессу их создания. Автор утверждает, что народная игрушка обладает значительными возможностями в этнокультурном развитии личности.

Ключевые слова: народная игрушка, народное творчество, игра, этничность, этнопедагогика.

The article is devoted to the problem of maintaining of the Orthodox culture features in the modern life and animation of the spiritual-cultural traditions. The article gives a historical assay and characteristics of different kinds of trade toys. A special attention is paid to the features of the people's art-esthetic experience, which has been reflected in toys and a master's esthetic attitude to the process of their creation. The author considers that a folk toy has strong possibilities in the ethno-cultural person's development.

Key words: a folk toy, a folk creativity, ethnicity, ethno-pedagogics.

Педагогика всегда интересовала проблемы, которые обещали положительный воспитательный и развивающий эффект. Заявленный аспект актуален и перспективен в современном информационном обществе тем, что в настоящее время остро встает вопрос о формировании этничности или так называемой «русскости», начиная с

дошкольного возраста. По данным Я. В. Чеснова и Т. И. Селиной, даже американцы отказались от концепции «плавильного котла», в которой объединялись этнические традиции населения страны. Более популярным сегодня становится образ «салата», который подчеркивает своеобразие этнического «вкуса» каждого компонента. Сейчас этнографический облик любой страны является, по мнению ученых, такой же важной характеристикой как показатель ее экономического роста.

Духовный потенциал человека, по мнению В. А. Сластенина, определяется не столько степенью его приобщенности к мировой культуре, сколько, в первую очередь, к национальным культурным традициям, ибо погоня за большим объемом знаний приводит к тому, что ребенок не успевает эмоционально воспринять их содержание и осмыслить как достояние собственной культуры. В. А. Сластенин подчеркивает, что национальная культура придает специфический колорит среде, в которой функционируют различные образовательные учреждения. При этом только признание этнопедагогических традиций воспитания (понимая этнопедагогику и народную педагогику как науку и предмет науки) позволит исследователям шире использовать совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх и игрушках (Г. Н. Волков, Т. Н. Петрова). Свообразие духовного потенциала игр и игрушек еще и в том, что они, благодаря своей уникальной естественности, дают убедительный аргумент для трактовки принципа природосообразности педагогики ненасилия (Г. Н. Волков, В. А. Ситаров, В. А. Сластенин, Д. Б. Эльконин).

Философы, искусствоведы, педагоги придерживаются мнения о том, что чем выше культура общества, тем внимательнее оно к своему прошлому. Только в этом случае лучшие традиции народной педагогики смогут жить и развиваться в современной системе образования.

Этнопедагогика, вызванная к жизни заботой ученых и педагогов о поддержании и развитии всего самого прогрессивного, что есть в народной педагогической культуре, способна содействовать росту национального самосознания формирующейся личности. Поэтому не случайно Б. Т. Лихачев в своей теории воспитательных ценностей классифицирует их на несколько видов. Среди них отдельно обозначены такие устойчивые ценности, как ментальные, этнические. Б. Т. Лихачев относит к ним: черты национального характера, выработанные единством национального исторического опыта, особенностями производства, национальной культуры, географических условий, международного положения; традиции, обычаи, фольклор, уклад жизни, суеверия, заклинания, загадки, народное врачевание и колдовство; образовательная традиция (формы, методы, содержание обучения); особенности семейных традиций, отношений; народные ремесла и про-

мыслы; национальное художественное изобразительное, музыкальное, театральное, кинематографическое, поэтическое творчество; своеобразие обрядов, религиозного верования, культов, образов жизни и ритуального действия. Анализ памятников народной культуры, в т. ч. и народных игрушек, уверенно позволяет сказать о том, что в народной игрушке гармонично соединились характеристики выше представленных этнических ценностей. Например, образы и сюжеты русских народных игрушек всегда отличались такими национальными чертами как жизнерадостность, доброжелательное отношение к окружающему миру, пристрастие к гуляньям и праздникам.

История культуры, частично представленная в игрушке, созданной народными мастерами, открывает широкие горизонты для педагогического воздействия на формирование этнического самосознания личности. Неслучайно Н. Д. Бартрам назвал период игрушки подготовительным классом к жизни. Для детей важна народная игрушка, так как народ запрограммировал в ней эстетико-нравственную, трудовую и познавательную задачи: знакомство с образами домашних птиц и зверей, с домашними и дикими животными, фантастическими образами, народным бытом и т. д. Опоэтизированная жизнь народа передана через декоративные, наглядные образы, которые включали типические качества, трудно уловимые в реальной жизни: внушение положительного отношения к окружающему миру и бережное отношение к нему, уважение к старшим, любовь к труду. Кроме того, в игрушках – в способе их изготовления, в их назначении и значении – соприкасаются дети и взрослые, детство человечества и современность, – отмечает исследователь народной педагогики Г. Н. Волков.

Фольклорное по своей сути, народное искусство является одним из наиболее древних и поныне развивающихся видов народного творчества и воплощается в предметах быта, созданных по законам красоты. Слитность материального и духовного как эстетическое начало декоративного искусства уходит истоками в глубокую древность, сохраняя и передавая от поколения к поколению цельный и стройный мир особого отношения человека к окружению – отношения, отражающего исторические и социальные условия жизни, а также мировоззрение и характер народа.

Искусство народных игрушек, создаваемое народом для себя и своих детей, несет для живущих ныне поколений понимание прекрасного, формировавшегося веками, созданного и сохраненного народом эстетического идеала. «Произведения декоративного фольклора выступают «зеркалом», отражающим народные представления о прекрасном и нравственном, об эстетических и этических идеалах, благодаря чему устанавливается «баланс» между прошлым и настоящим, разумом и чувством, отдельным человеком и обществом в це-

лом», – считает И. Лыкова. Поэтому включение в систему образования народных игрушек, в которых поэтически обобщены обычаи, вкусы и верования народа, облегчит понимание национального характера народа. Кроме того, все народные игрушки, в своих многовариантных решениях, несут идеи добра и материального воплощения представлений о красоте, связанной со способностью народа идеализировать и украшать жизнь.

Важно также иметь в виду, что эстетическое отношение к национальной культуре, как утверждает В. К. Вилюнас, наиболее успешно формируется тогда, когда ребенок активно воссоздает художественные образы в своем воображении при восприятии произведений искусства, одновременно участвуя в доступных ему формах художественной деятельности. Таковой является техника исполнения прикладного искусства в единстве с выразительными средствами, что позволяет каждому ребенку создавать качественные, оригинальные, образные изделия. В этом случае уже на ступени дошкольного детства ребенок способен «присвоить» те человеческие ценности, мысли, чувства, идеалы, то отношение к жизни, которое определено в декоративно-прикладном искусстве.

Как известно, предметом художественно-образного отражения может быть не только внешняя среда, окружающая человека, но и его духовный мир, т. е. желания, мысли, переживания, устремления. Процесс отражения окружающего мира для народного художника являлся, вместе с тем, и процессом его самовыражения. Передавая сознательно или подсознательно свою точку зрения, свое отношение к изображаемой действительности, художник совершал акт самовыражения, которое таким образом, представляло собой одну из сторон общего процесса художественного постижения мира. Поэтому знакомство с изготовлением глиняных игрушек открывает детям новые грани русского народного творчества. Наслаждаясь своеобразной прелестью местного «потешного» стиля, дети образно, смогут чувственно усвоить историю его происхождения.

Некоторые исследования в области формирования основ этнического самосознания у детей подчеркивают значимость и необходимость этой работы. Так, Н. С. Александрова, Е. С. Бабунова, Г. И. Батурина, З. А. Богатеева, Т. С. Комарова, Г. Ф. Кузина одной из важных задач воспитания подрастающего поколения видят в приобщении детей к духовным истокам бытия, к своим историческим корням, т. е. возрождение «связи времен» по Д. С. Лихачеву. Исследуя условия развития интереса к русской народной культуре, исследователи среди основных условий называют следующие: организация и построение предметно-развивающей среды, комплексное использование различных видов народного искусства и игровых персонажей, возрождение

и развитие народных обычаев и традиций и т. д. Народная игрушка в этих исследованиях является важным атрибутом детства. Здесь хотелось бы еще раз повторить о том, что увлечение объема информации может привести к формальному усвоению материала, к акселерации, а не к амплификации (т. е. обогащение) и не способствовать формированию у детей национального самосознания.

Природа русской народной игрушки как средства накопления и передачи общественного опыта следующему поколению (Н. Д. Бартрам, И. В. Евдокимов) может выступить ведущим средством в формировании этнического самосознания, гордости за свою национальную культуру. Однако тщательно изучая вопрос о включении народной игрушки в систему образования, мы констатировали, что на протяжении всей истории развития советской игрушки (В. П. Пряхин), народные игрушки только упоминались в общем списке, рекомендованных детям игрушек с целью создания ими подобных (в частности, из глины, соломки, коры и т. п.). То есть, у исследователей наблюдался односторонний подход к народной игрушке: как объекту подражания ее декоративности. И только Т. В. Ильина впервые выделила в народной игрушке две функции: игровую и декоративную. Являясь предметом игры – этой своеобразной ориентировочно-исследовательской деятельностью, в которой ребенок познает не только окружающий мир, но и наследует культурный опыт старших поколений. Только включенная в игру игрушка будет служить активным средством передачи и освоения художественного наследия своего народа.

Итак, время требует возвращения к воспитательному опыту народа, к духовным корням этнических культур, а это возможно лишь на основе глубочайшего изучения общего и специфического в культуре разных народов, его самобытности и уникальности. Включение народной игрушки в разные виды деятельности детей (игра и общение с игрушкой, получение представлений о ней и процесс создания игрушек) будет способствовать возникновению эстетического интереса к национальному искусству и тем самым способствовать осознанию себя с определенной нацией. Этот процесс целенаправленно может быть организован по двум направлениям: ребенок обретает этнические и художественные позиции, ценностные ориентации и способы восприятия или создания эстетических и художественных объектов национальной культуры.

В Российской действительности с конца 90-х гг. стала проявляться тенденция угасания очагов народной культуры. Уникальные по красоте вещи создавались специально для музеев и практически оставались недоступными для широкой публики. Вместе с тем, народная игрушка обладает значительными возможностями в этнокультурном развитии личности.

Как известно, формировать вкусы людей можно через национальную культуру, а через искусство народных промыслов осуществлять связь человека с историей и нравственными ценностями нации. По мнению М. С. Кагана, предметный мир культуры закрепляет и передает из поколения в поколение каждому индивиду знания, ценности и идеалы, непрерывно расширяющиеся и возвышающие потребности людей, их способности и их умения. Становясь потенциальным достоянием каждого нового поколения, а в нем – каждого индивида, предметное бытие культуры «призывает» распредмечивать объективированный в ней опыт, делать его достоянием овладевающих им людей и тем самым «очеловечивать человека». А распредмечивание наследия культуры имеет своим условием свободу, т. е. возможность и необходимость постоянного выбора целей, средств и действий, – утверждает М. С. Каган. В условиях угасания центров народной культуры, существует опасность появления такой тенденции как отсутствие выбора истинных культурных ценностей.

Народное искусство, отражая самобытность России, отличается многообразием. Народная игрушка – один из видов материальной и духовной культуры народа. И поэтому, можно согласиться с мнением М. С. Кагана о закономерном включении игрушки в общую систему искусств как самостоятельного и равноправного вида пластического творчества.

Искусство народных игрушек, включающего художественно-образный опыт народа, – это богатейшее наследие и важнейший этап накопления эстетического опыта и духовного развития, без накопления которого ребенок не может совершить следующий шаг: духовно обратиться к искусству как главному средству воссоздания эстетических идей. Глубокая традиционность народного искусства предполагает, что многие его идеи, образы, сюжеты возникли в очень отдаленные эпохи и устойчиво сохраняются в творчестве народа вплоть до нашего времени.

В культурном сознании народа всегда существовала и существует потребность своего рода «культурных образцах». Поэтому не будет преувеличением сказать, что культурный статус народа зависит от того, насколько развито у него искусство игрушки с культурно-типологическими сюжетами.

Наличие игрового аспекта в освоении феномена народной игрушки рассматривается нами как форма передачи духовного опыта человечества в самых различных измерениях: от личности к личности, от взрослых к детям и от детей к взрослым, утверждая, что искусство само моделирует процесс общения в ведущем виде деятельности человека. Для ребенка – это игра. Именно в ней упрочение отношений ребенка «осуществляется в действенной игровой форме» (Е. Ф. Рыбалко),

именно в игре ребенок реализует свои отношения, а это способствует формированию более стойкого, осознанного и длительного отношения к социальному миру (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др.). Мы считаем, что только в игровых отношениях возможно освоение национального искусства, что соответствует этническому опыту народа, воплощенному в игрушке.

Игрушка – слово, придуманное взрослыми. По мнению Л. Оршанского, в нем «слышится оттенок пренебрежительности большого к малому, умного к еще глупому, чувствуется добродушное снисхождение к детям...». Мы же убеждены в том, что само присутствие суффикса «ушк» в первооснове этого слова, да и в таких словах как, например, бабушка, дедушка, ладушка и других, усиливает уменьшительно-ласкательное значение терминов, но никоим образом не является пренебрежением и преуменьшением роли этого атрибута в жизни ребенка. Более того, эта ласкательная форма безоговорочно принята в самой детской среде.

Приведем примеры определения игрушки вообще и народной игрушки в частности. Так, например, М. С. Бернштейн придерживается такого определения игрушки. Игрушка – предмет, изготавливаемый с определенной целью и имеющий ту особенность, что источник доставляемого им удовольствия зависит от того вида движения, которое ему сообщить. Н. А. Рыбников считает, игрушка – что орудие игры. П. А. Литвинский под словом «игрушка» подразумевает предмет, предназначенный для развлечения детей, и он предлагал «развести» по назначению игрушки для игр и обучения. Под игрушкой О. К. Васильева понимает предметы, специально созданные для игр и развлечений детей. В большой педагогической энциклопедии игрушка определяется как условное изображение реальных предметов; вещь, специально созданная для развлечения детей и обучения их в живой, увлекательной форме; одно из важных средств воспитания и идеологического воздействия на ребенка. Таким образом, большинство определений игрушки основаны только на тех ее функциях, которые покупаются или изготавливаются взрослыми. И совершенно исключают игрушки самодельные, т. е. являющиеся не орудием, а продуктом игры детей. Играют не только дети, но и взрослые; играют не только люди, но и животные. А создавать игрушки в процессе игр способны только дети и взрослые. Поэтому самодельные игрушки как продукт игры также можно рассматривать как игрушки, предназначенные для игр. Игрушки же, созданные мастерами-умельцами, мы относим к промысловым народным игрушкам.

Народная игрушка давно привлекала внимание ученых. Но вначале интерес к ней проявили этнографы, которые собирали игрушки как элемент материальной культуры. Первые исследования по изу-

чению народной игрушки осуществили А. В. Бакушинский, Н. Д. Бартрам, Р. С. Данковская, Л. Г. Оршанский, Е. А. Покровский, Е. А. Флерина, А. П. Усова и др.

Так в исследованиях Р. С. Данковской подчеркивается ценность изучения народных детских игрушек с нескольких точек зрения: «во-первых, она отражает на себе как материальный, так и духовный быт народа, является важной для этнографа, изучающего этот быт, ибо создается зачастую то в подражание окружающей для ребенка жизни взрослого, то под влиянием местных традиций, навыков, верований и обычаев; во-вторых, она ясно показывает внутренний мир ребенка, его интересы, его фантазию и стремления, помогает изучению его психологии; в третьих, наконец, выражая эстетические потребности и традиции народа, служит источником для изучения народного художественного творчества». Но не всякий случайный предмет представляет ценность и может быть использован ребенком во время игры. Ценны те готовые предметы, выполненные членами семьи или мастером, которые более или менее постоянно вносятся в игру или сделаны ребенком в ходе игры или специально для нее. Красивая безделушка, которой можно только любоваться, но нельзя играть, по мнению Р. С. Данковской, не представляет никакой ценности для развития ребенка.

Л. Г. Оршанский, так тщательно изучавший народные игрушки считал, что они являются прямым отражением жизни взрослых, их верований, страстей, радостей, безо всякого педагогического умствования, без вечного подчеркивания превосходства взрослых над детьми. Игрушка, без сомнения, связана и с общей историей развития народа, его уровнем и тенденциями. Исследователи также неоднократно отмечали особое эстетическое воздействие народной игрушки не только на эмоциональный мир ребенка, на развитие его эстетического вкуса и эстетических переживаний, но и на становление личности в целом.

По мнению Е. А. Покровского, игрушки действительно нередко становились первыми средствами воспитания в народной педагогике, давали первый толчок дальнейшему направлению характера, склада ума и призвания. Как считает Е. А. Покровский, игрушка сама по себе представляет и цель, и действие, и наслаждение.

Переходя к вопросу о происхождении и смысле игрушки, немало важно разобраться в проблеме выражения эстетического отношения в процессе созидания прикладного предмета народным мастером.

В глубокую древность уходят истоки народного декоративного искусства. Исследования В. М. Василенко, В. С. Воронова, Т. М. Разиной и других подтверждают, что на протяжении многих веков творчество народа оставалось коллективным, не утрачивая своих связей с отдаленными периодами художественного сознания. Ученые отмечают, что

в ходе исторического развития общества меняются формы и способы удовлетворения эстетических потребностей народа. Все это делает народное творчество интереснейшим предметом для эстетической теории, разработка которой имеет не только научно-теоретическое, но и практическо-ориентированное значение, потому что народное творчество остается живым явлением нашей современности. При условии разработки теории народного творчества, считает Т. М. Разина, мы сможем полнее ответить на вопрос, почему древнее в своих истоках искусство (в том числе игрушечные промыслы с их многовековой историей) глубоко волнует нашего современника.

Как известно, человек относится к окружающему его миру, прежде всего, чувственно, ценностно, определяя в своих переживаниях свою внутреннюю сущность через внешнюю действительность. Совершенные народные игрушки, в частности, рассчитаны, прежде всего, на чувственное «присвоение» их человеком. При этом важно помнить, что чувственное «присвоение» эстетических качеств определяется субъективными ощущениями, особенностями восприятия индивида (К. З. Аюпян, В. Н. Мясичев и др.) и предполагает наличие всех форм творчески-активного взаимодействия человека с миром: чувственную и деятельностьную. Подтверждением этого положения являются традиции народной педагогики при организации общения с народными игрушками: народная педагогика предусматривала не только их восприятие, но и создание игры с ними. Как считает Б. Шимунк, благодаря соприкосновению человеческого субъекта (его сознания) с объективной реальностью (действительностью), они лучше осознаются человеком. Поэтому дети очень рано привлекались к процессу создания игрушек.

Важно так же отметить, что при эстетическом восприятии произведений, созданных народом, человек познает действительность не безразлично, не «в себе», а как бы пропуская через себя, одухотворенно, путем конкретного переживания и чувственного проникновения. Учитывая мнение психологов о значении переживаний и оценок в природе отношений, возникающих в процессе сложного воздействия объекта на субъект и зависящих от особенностей предметов, которыми они были вызваны, а так же особенностями личности и ее индивидуальным опытом, можно утверждать, что чем раньше мы включим детей в процесс познания и создания игрушек, тем больший развивающий эффект мы получим.

Зная то, что эстетические отношения – это, прежде всего, эмоционально-ценностные отношения человека к действительности и искусству, можно с уверенностью предположить, что народная игрушка в процессе эстетической деятельности (художественной и игровой) будет способствовать перенесению эстетического отношения на вос-

принимаемый и создаваемый предметы. Возникающий контакт, духовно-эмоциональный «резонанс» между объектом и субъектом восприятия, то есть между ребенком и народными игрушками, даст возможность ребенку играть и принимать непосредственное участие в создании игрушек.

Первые ступени детства при благоприятных условиях почти исключительно заполнены игрой. Психолог В. В. Зеньковский неоднократно отмечал, что дети смотрят (в процессе игры) на объект игры как на настоящий предмет. Дитя в процессе игры обращается с предметами игры так же, как обращается с реальными предметами в реальной жизни. Так как дитя очень легко может варьировать работу фантазии в отношении объекта игры, то это дает ребенку в высшей степени важное чувство власти над предметом игры, развивает желание попробовать на нем свои силы, развивает вкус к свободной и творческой активности. А искусство игрушечных промыслов, будучи образной моделью жизни, в самой основе включает осознанный элемент игры. В отличие от других моделирующих систем (например, научных), искусство игрушки в акте своего восприятия требует забыть о том, что оно есть иллюзорный образ жизни, а не сама жизнь. Мы предполагаем, что оптимальный путь формирования эстетического отношения к окружающему миру и к самому себе, как части мироздания, может включение в этот процесс народного искусства, искусства народных игрушек в частности, что позволяет уже на ранних этапах онтогенеза моделировать идеальный образ мира, идеальный образ «я». Ребенок, накапливая эстетический опыт в празднествах и обрядах, обычаях и в народном творчестве, в ремеслах и промыслах, которые входят в жизнь детей спонтанно и естественно, так же естественно, как он живет в мире взрослых. Таким образом, эстетическое отношение как духовная связь человека с действительностью (С. С. Гольдентрихт, Б. Я. Замбровский, М. С. Каган, Н. И. Киященко, Б. М. Неменский и др.) возникает на определенном этапе онтогенеза и может рассматриваться как формирование основ эстетического видения под влиянием взрослых, передающих детям основы социальной и духовной культуры. «Эстетическое отношение состоится, – утверждает А. А. Мелик-Пашаев, – если ребенок почувствует и осознает, ради чего создавались произведения декоративного творчества». Дошкольник способен «присвоить» те человеческие ценности, мысли, чувства, идеалы, то отношение к жизни, которое опредмечено в декоративно-прикладном искусстве.

Уместно здесь добавить слова Шиллера: «Человек должен только играть с красотой, но он должен только с красотой играть. Только тогда, когда человек играет, он является человеком в полном смысле слова, – и он может играть только тогда, когда он является вполне человеком».

Во все времена и у всех народов игрушка неизменно существовала и являлась одним из средств народного воспитания. Причем следует отметить, что традиционно в народной педагогике значительное место в обучении ребенка занимает вовлечение его в практическую деятельность: взрослые включали детей в изготовление бытовых предметов, в т. ч. и игрушек из разных доступных материалов (дерево, глина, ткань, солома, ветки, пряжа и др.).

В трудах В. С. Воронова и А. И. Некрасова игрушка впервые была включена в общую систему народного искусства. В. С. Воронов разделяет игрушки на две группы. Первая, более ранняя по происхождению, выделена им как художественный примитив, представляющий в игрушке символы древних образов: женщины, коня и птицы. Другая, более поздняя, характеризуется ученым как реалистическая, тесно связанная мотивами окружающей жизни. Соответственно, они качественно различаются по художественной структуре. Игрушки первой группы отличают: отвлеченный схематизм формы, силуэтность и фронтальность; игрушки второй группы – такие свойства как круглый пластический объем, динамичность формы, детализировка изображаемого, перемещение точки зрения, конструктивность формы, лаконичность резной и лепной обработки, быстрота и простота техники, выразительность и оригинальность художественного образа и мотива. «Невозможно найти в других областях художественного творчества более яркую символичность, больший технический лаконизм, претворение фантастики в убедительную реальность и подлинного реализма – в сказочность. Обрубков дерева с еле заметным прикосновением ножа, дающим намек на органическую фигуру человека или зверя, полагает начало богатому, разнообразному фантастическому миру. Игрушка своей внутренней непрактичностью, слабой связанностью предмета с его утилитарным назначением, идеей забавы, вложенной в нее, дает искусственно большой простор творческому полету, пробуждает и рождает творчество как беззаботную игру». Так, по мнению В. С. Воронова, только крестьянские игрушки, вобравшие новые художественные достижения реалистического порядка, метки как народный язык, с затаившейся усмешкой и насмешкой представляют яркие неподражаемые характеристики зверей и людей. Таким образом, происхождение народной игрушки В. С. Воронов рассматривает в динамике: от магической, культовой до реалистически-скульптурной, т. е. с течением времени в игрушке ослабевало влияние древних символов. Мастер, изготавливающий игрушки, превращается в реалиста-наблюдателя. Появляются каталка на четырех колесах (конь-солнце), тряпичная кукла (кукла-праматерь) и т. д. «Так древние космогонические символы в игрушке все больше вытесняются социальными приметами общественной

жизни, и это закономерно в силу того, что распадается, исчезает и само языческое мировоззрение народов..., развивается индустрия игрушечного производства».

А. В. Бакушинский отмечал, что особенно глубокий магический смысл в представлениях примитивных народов имела такая игрушка, как кукла – подобие живого существа, главным образом человека. А. В. Бакушинский придерживался следующей точки зрения: примитивная ритуальная скульптура, частью которой является игрушка, выражала родовое человеческое сознание в пластическом освоении мира. Аналогичное значение имеет игрушка и в развитии детского сознания. Ученый констатирует, что очень трудно тематически разграничить магически-религиозную скульптуру и просто скульптуру. Таковы, например, все игрушечные предметы примитивных погребений типа египетских пирамид, скифских курганов, погребальный ассортимент вещей у многих современных отсталых народов. Все это полно глубоким смыслом верований и далеко от забавы, хотя игрушечный, условный характер ряда вещей: деревянных кинжалов, миниатюрных животных и людей – является естественным формальным мостом между культовой скульптурой и игрушкой как таковой. «Больше того, все яснее становится ныне, благодаря ряду исследований, магическое, чисто культовое происхождение игрушки, а также игры как чисто ритуального процесса использования ряда вещей. Игра, будучи частью религиозного обряда, сопровождая его, нередко постепенно перерождается. Ее ритуальный смысл забывается. Она постепенно со всеми своими атрибутами превращается в спорт, забаву». Важными для общего понимания вопроса этнокультурного развития личности являются положения А. В. Бакушинского, связанные с анализом народной игрушки с точки зрения ее художественной природы: ученый констатирует преобладание осязательно-двигательных моментов над зрительными, первоочередное осязательное обследование игрушки. Это положение мы учтем при разработке методики включения народных игрушек в педагогический процесс. Таким образом, резюмируя, можно сказать, что А. В. Бакушинский считает народную игрушку первоосновой культуры народа, соединяющую в себе магическое и игровое начало.

Н. Д. Бартрам, подчеркивающий педагогическое назначение игрушки, видел в ней прекрасный стимул для развития в ребенке творческого начала. Он первым в своем труде «От игрушки к детскому театру» определил игрушку как «особый вид искусства и по своим целям, и по способам обработки форм, отражающих творческие порывы ребенка, и по своим достижениям, совмещающим в себе и живопись, и скульптуру, и декоративное искусство, и, наконец, театральное искусство». Можно сказать, что эти выводы Н. Д. Бартрама

остаются актуальными в области теории народной игрушки, поэтому важно сделать попытку гармонично включить народную игрушку не только в разные виды игр, но и разные вида детского изобразительного творчества.

Известный исследователь русской глиняной игрушки Л. А. Динцес также считал, что в глубокой древности она не была только забавой, а воплощала образы языческих верований, то есть являлась скульптурным изображением языческих богов. «Тематика игрушки, – писал он, имеет более глубокие корни, которые таятся в древних дохристианских формах славянского культа. Женская фигура олицетворяла мать сыру землю, Великую богиню природы; кони и олени – великое Светило, дарующее земле свет, тепло, плодородие; птицы – стихию воздуха, связывающую небо и землю». В этих представлениях отражалась наивная вера крестьянина в добро и зло, поэтическое воодушевление сил природы, от которых зависело благополучие крестьянского хозяйства, счастье и достаток семьи. Л. А. Динцес видел отголоски связей игрушки с космогоническими представлениями древних людей в праздниках русской деревни по случаю сева, жатвы, сбора урожая, к которым нередко приурочивалось изготовление глиняных фигурок и свистулек. Со временем культовый смысл фигурок утрачивался, они становились предметами забавы, игрушками, а традиционные образы приобретали все более реальное содержание, превращаясь в барынь, нянек, петухов и т. д., – считает Л. А. Динцес. Итак, уже давно ни кем из этнографов не оспаривается мысль о генетическом родстве древних игрушек с предметами культа. А. Чадаева даже сравнивает архаическую игрушку с маленьким этнографическим музеем, где сведены воедино представления об окружающем мире, каким видел его человек на заре своего существования. «В завуалированной образности игрушки и в способах обращения с ней запечатлен и языческий кодекс, определявший отношения древнего человека с природой. С другой стороны, игрушка может быть, как и детская игра, ключом к пониманию забытых обрядов и ритуалов».

Народные умельцы, создавая игрушки для детей, всегда учитывали интересы и желания ребенка. Это проявилось в следующем. Прежде всего, строго соблюдалась возрастная принадлежность. Г. Л. Дайн приводит факты такого подхода: для детей раннего возраста предназначались занимательные игрушки со звуком и яркой окраской, стимулирующие моторную деятельность: погремушки, трещотки, подвески и т. д. Затем игрушки усложнялись с учетом развития ребенка и его потребностей. Появляются различные игрушки, развивающие координацию движений и способность к ориентации: игрушки для бросания и стрельбы, игрушки-инструментарии и т. д. Причем ребенок был ограничен в количестве игрушек. Эту тенденцию в народной педагогике

Г. Л. Дайн объясняет отражением крестьянских представлений о порядке: умение обходиться в быту малым числом вещей. Кроме того, все произведения игрушечного промысла воплощают многовековую информацию о традициях многих поколений русского народа, которая всегда передавалась от поколения поколению.

Как и любой другой вид народного искусства, игрушка получила свое дальнейшее развитие. Это направление искусствоведы характеризуют возникшим интересом к игрушке не только крестьянских, но и городских жителей. Г. Л. Дайн пишет, что игровые интересы городского ребенка требовали специальных игр-забав, которые могли бы занять, развеселить, привлечь к себе внимание. Именно поэтому художественно-образный язык игрушки обогатился. Она стала более разнообразной по тематике и сюжетам, получила дальнейшее развитие пластическая детализация, усилились цветовые и фактурные качества, возросла конструктивная динамика и озвученность.

На развитие игрушки влияли определенные факторы. Например, коллективный опыт. Он включал традиционно-значительное начало, то, что приходит из прошлого, а также реальную деятельность мастеров, составляющих данный, конкретный коллектив. Традиционное начало очень сильно в народном творчестве. Его естественное развитие, по мнению Т. М. Разиной, связано со свободной передачей накопленного материала от одного поколения к другому. Кроме того, традиция во многом определяет характер быта народа, способ удовлетворения его духовных и насущных жизненных потребностей, систему обрядов. Говоря о глубокой традиционности народного искусства, ученые имеют в виду, что многие его идеи, образы, сюжеты возникли в очень отдаленные эпохи и устойчиво сохраняются в творчестве народа, иногда вплоть до нашего времени. Можно согласиться с мнением О. А. Квасовой о том, что в культурном сознании народа всегда существовала и существует в настоящее время потребность в своего рода «культурных образцах». Поэтому не будет преувеличением сказать, что культурный статус народа зависит от того, насколько развито у него искусство игрушки с культурно-типологическими сюжетами.

Специфика материала народных игрушек четко определяется теми регионально-географическими особенностями, в которых она создается. Кроме того, она всегда была элементом деятельности, предметом и объектом различных процессов и ритуалов, включая праздничные, воспитательно-образовательные, религиозные, производственно-технологические и многих других, как фиксируется в исследованиях Н. С. Александровой, Г. Л. Дайн, О. А. Квасовой и др. по историко-художественному анализу игрушки. А т. к. игрушка принадлежала не отдельному человеку, считают исследователи, а моде-

лировалась усилиями многих поколений, постепенно впитывая в себя культурное сознание определенной местности, его обычаи и нравы, то она конечно несла на себе печать того или иного этноса.

Для более глубокого понимания социально-исторической природы игрушки обратимся к взглядам Т. Ильиной и А. К. Чекалова. Т. Ильина считает, что независимо от происхождения и функционального назначения, игрушка, в том числе и народная, является автономным явлением культуры. А. К. Чекалов считает, что такие свойства народной игрушки как сомасштабность с ребенком и окружающей его предметной средой и конструктивной целесообразностью, связаны с потребностями детской игры.

В теории Д. Б. Эльконина мы находим развитие идей Т. Ильиной и А. К. Чекалова. Он считает, что игрушка приобрела художественно-пластическую форму благодаря эволюционному историческому развитию, в ходе которого она стала отвечать, прежде всего, принципам детской жизнедеятельности. Тогда концепция о происхождении игрушки от культового предмета, считает Г. Л. Дайн, может рассматриваться только как часть, раскрывающая лишь одну из функций игрушки. Магическая функция исторически исчерпала себя и значительно активизировалась развлекательная и педагогическая. Продолжая эту мысль, Г. Л. Дайн говорит, что, ребенок с помощью игрушки и игры (этой своеобразной ориентировочно-исследовательской деятельности) не только познает окружающий мир, но и наследует культурный опыт старшего поколения. «Только в действии, в жизни, в игре полностью раскрывается художественный образ игрушки и средства ее выразительности. Поэтому рассматривание игрушки по функциям является, на наш взгляд, наиболее плодотворным методом исследования. Этот подход позволяет не только глубже раскрыть художественную природу народной игрушки, но и обратить внимание на те ее группы, которые не изучались искусствоведами». Итак, описание народных игрушек в научной литературе представлено полно, но очень актуальной является проблема разработки методики включения народных игрушек в педагогический процесс.

Какую игрушку лучше всего внести в игру?

Игрушку, включенную в игру, по мнению М. С. Бернштейна, должны отличать некоторые определенные важные характеристики: соответствие возрасту и интересам, примитивность, импрессивность, обратимость.

Прежде всего, игрушка должна соответствовать возрасту. В народной педагогике такое предопределение было сделано давно. Исходя из специфики развития ребенка, актуализации сфер его развития детям давали погремушку или мяч, гармошку или веревочку. Игрушка должна быть интересной для ребенка, что разительно от-

личает игрушки народные и покупные. Последние обладают коммерческим характером, производственной новизной и внешней эффектностью. Игрушка должна быть примитивной, такой, чтобы при виде ее ребенок подумал бы о том, что он может сделать такую же. Желательно, чтобы игрушка была импрессивна, то есть не точной копией действительности, а обладать несколькими общими чертами. Такая игрушка способна дать простор фантазии и творчеству, стать побудителем к творческой деятельности, импульсом к самовыражению. Игрушка должна обладать возможностью быть обратимой, то есть быть превращенной в целый ряд разнообразных объектов. Это доступно только простой народной игрушке. Именно она привлекает ребенка своим разнообразием и неистощимой прелестью новизны. Представленные, с позиции М. С. Бернштейна, характеристики игрушки дают нам информацию для дальнейшей разработки рекомендаций по подбору игрушек с современных позиций.

Мир детства неразрывно связан с миром игрушки. Игрушка, по мнению Н. Д. Бартрама, всегда была «зеркалом» жизни, отражая в себе не только свое время, но и быт, окружающий ребенка. «Едиственный учитель, которого можно пожелать для ребенка на заре развития его творческих сил – это душа родного ему народа», – считает Н. Д. Бартрам. А родной душой ребенок может стать народная игрушка, которая является не только предметом, объектом (инструментом), но и своего рода материализованной и отчасти реализованной сказкой (Г. Н. Волков). Ее воспитательная ценность в том, утверждает Е. А. Флерина, что «только в народной игрушке заключена теплота, которая выражается в заботливом, любовном ее исполнении». Именно народная игрушка наполнена традициями национального русского искусства (быт, костюм, праздники и др.), приспособлена к игре как главному проявлению духовной жизни ребенка. И дело не только в том, что игрушки могут быть сказочно-фантастическими по форме и сути, но и по конкретным функциям (многие игрушки полифункциональны, их роль может меняться в процессе игры; они могут иметь и компенсаторное значение, когда игрушек для реализации «идеи» игры не хватает). Именно поэтому важно включить в работу с детьми народные игрушки.

Игрушку иногда называют другом детства. Если принять эту позицию, тогда, вероятно, можно объяснить, почему ребенок бросает хороших кукол и играет с простой тряпочкой, выражая к ней свои самые нежные чувства и привязанность. В игрушках, как и в играх, проявляются первые черты индивидуального развития каждого человека, и свобода выбора – первое условие для правильного направления этого развития. Если вам не нравится выбор ребенком игры или игрушки, тогда подумайте о причинах такого явления.

П. Ф. Каптерев подчеркивал, что часто родители, стремясь проявить заботу о детях, покупают им как можно больше сложных, разукрашенных и дорогих игрушек. Но они не понимают того, что дети ценят игрушки не с той точки зрения, с которой ценят их взрослые. «...Не надо давать детям много игрушек, особенно сложных, дорогих – такие игрушки развивают в детях пассивность. Игрушки должны содействовать проявлению деятельной стороны человеческого существа, творчества, самостоятельности, словом, быть предметом игры, а не развлечения. Игрушка именно должна быть хорошим, гибким материалом для детских игр и время от времени давать толчок для творческой фантазии дитяти. Поэтому хороши игрушки в виде простого материала – бумага, палочки, кубики, глина, воск ...». Резюмируя высказывания П. Ф. Каптерева, еще раз подчеркнем, что для развития ребенка очень важны, прежде всего, игрушка-материал и простые игрушки с обобщенными признаками, а также готовые игрушки для полного осуществления творческих замыслов в игре.

Следует сказать и еще об одной особенности народных игрушек. Как считает М. Уиттли, ребенок испытывает удовольствие, восхищение и радость от шума, который воспроизводит игрушка, и быстроты ее движения. Поэтому дети так любят барабаны, качели, колотушки, мячи, лук, стрелы, мыльные пузыри, волчки и пр. В противовес этим, механические игрушки быстро надоедают, потому что они выполняют одну или несколько функций без помощи ребенка. «Очень часто, чем проще игрушка, тем больше она возбуждает и занимает воображение, благодаря разнообразию в своих проявлениях... Лучше коробка с катушками, из которых можно построить фигурки и домики, чем самая совершенная, а потому законченная и ограниченная...». Такая народная игрушка может прекрасно использоваться во всех народных играх.

Учитывая положение о феноменологизации региональных культур, которые характеризуются исчезновением старых и появлением новых внутрорегиональных связей, многообразием этнических компонентов (Г. Н. Москвина), можно уверенно говорить о необходимости использования культурного игрушечного наследия в трансформированном виде в педагогическом процессе.

Практически каждый крупный регион России обладает своей специфической игрушкой, созданной народными умельцами: Волго-Вятский регион – дымковской, городецкой, семеновской, богородской; регион Севера – каргопольской; Центральный регион – загорской, петровской, скопинской, орловской, абашевской, филимоновской и др. Этнографами, фольклористами, искусствоведами (Н. Д. Бартрам, И. Я. Богуславская, Г. Л. Дайн и др.) накоплен большой эмпирический материал, отражающий специфику народных игрушек. Эти фактиче-

ские данные имеют большое познавательное значение и создают реальную основу для построения педагогической концепции на материале народных игрушек. Причем, феномен региональных игрушек относится к нескольким субкультурам, и являются одновременно составными частями этнокультур. Мы придерживаемся мнения о том, что специфику региональной культуры, в т. ч. народных игрушек, нужно изучать в сравнении с материальной этнокультурой. Центры народных промыслов игрушки – этноцентры, являющиеся частью суперэтнуса – России. Поэтому можно рассуждать о русской народной игрушке, как о феномене русского суперэтнуса, ссылаясь на этноцентры народных промыслов игрушки.

Сегодня в мире игрушек крайне недостаточно таких, которые направляют на развитие познавательного интереса к окружающему социальному миру, способствуют формированию навыков общения между детьми и взрослыми, стимулируют развитие творчества и проявлению активности, самостоятельности; содействуют активному передвижению, возможности их разбирать, дуть, свистеть и пр. На сегодняшний день существует недостаток игрушек, несущих добро, пробуждающие лучшие человеческие чувства. Среди современных игрушек уже практически не увидишь ни деревянного медведя, ни глиняного петушка, ни точеной лошадки. Но, увидев однажды народную игрушку на выставке, ребенок радуется ей потому, что в ней даны жизненные образы, близкие его детскому опыту, сочетания красок радуют и веселят его. И этот образ народной игрушки сохранится у ребенка на всю жизнь.

В деле создания новой, поистине всенародной культуры огромное значение имеет современное народное творчество, которое может и должно быть одной из активных форм формирования и развития личности. Поэтому сохранение в современной жизни черт патриархальной культуры представляет научный интерес в плане изучения этого феноменального явления и имеет большое практическое значение, которое будет способствовать оживлению духовно-культурных традиций. Как считают исследователи, только воспитание делает ребенка русским или татаринном, немцем или французом, в связи с этим возникает проблема актуализации идей народной педагогики в теории и практике воспитания. А если вспомнить о том, что самый благодатный период для эмоционального развития ребенка – первые десять лет его жизни, то тогда это время надо использовать для того, чтобы заложить в ребенке основы гуманизма, духовности, элементы национального самосознания. Именно это побуждает изучать проблему феномена народных игрушек. Может быть, тогда осознание мудрости народной игрушки как некой субкультуры, подведет нас к теоретической разработке педагогической

эпистемологии и условий включения народной игрушки в современную систему дошкольного образования.

Список литературы

1. Александрова, Н. С. Русские народные игрушки как этнопедагогический феномен (на материале системы дошкольного образования): дисс. ... докт. пед. наук. – М., 2000. – 350 с.
2. Бакушинский, А. В. Исследования и статьи: избранные искусствоведческие труды / Сост. И. А. Либерфорт и др. – М.: Сов. художник, 1981. – 351 с.
3. Бартрам, Н. Д. От игрушки к детскому театру. – Д.: Изд-во Известий ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. – 104 с.
4. Богуславская, И. Я. Русская глиняная игрушка. – Л.: Искусство, 1975. – 139 с.
5. Дайн, Г. Л. Искусство игрушки (художественно-функциональные особенности русской народной куклы XIX-XX вв.): дисс. канд. искусствоведч. наук. – М., 1977. – 212 с.
6. Данковская, Р. С., Редин, Н. Е. Об изучении народных детских игрушек // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – № 2. – С. 47-52.
7. Динцес, Л. А. Русская глиняная игрушка. Происхождение, пути исторического развития. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 109 с.
8. Деньшин, А. И. Дымковская народная глиняная игрушка. Ее история, происхождение, мастера и значение. – М., 1945. (Рукопись).
9. Дурасов, Г. П. Каргопольская глиняная игрушка. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – 246 с.
10. Игрушечный промысел в Сергиевом Посаде. – М., 1916. – 77 с.
11. Москвина, Г. Н. Народные художественные промыслы Рязанского края как объект историко-культурного исследования: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 1995. – 255 с.
12. Оршанский, Л. Г. Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. – М.-СПб: Гос. изд-во, 1923. – 155 с.
13. Пряхин, В. П. История советской игрушки за 60 лет: педагогические, художественные и производственно-товарные аспекты: дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1979. – 183 с.
14. Церетелли, Н. Русская крестьянская игрушка. – М.-Л.: Академия, 1933. – 250 с.
15. Шумунова, Т. В. Психолого-педагогические основы развивающей среды музея игрушки: автореф. ... дисс. канд. психол. наук. – М., 1999. – 18 с.

❖ ОБЩЕСТВО

В. С. Сизов

Старчество как образец духовного руководства

V. S. Sizov

Eldership as an Image of Spiritual Guidance

В статье раскрываются понятия: старчество, старец, руководство. Автор исследует становление старчества как традиции в христианской, иноческой среде. Особое внимание уделяется жизни старцев: Антония Великого, Герасима Иорданского, Павла Обнорского и др.

Ключевые слова: старчество, руководство, старец, жизнь старцев, духовная власть.

The article reveals the notions: the eldership, an elder, guidance. The author investigates the eldership establishment as a tradition in the Christian, monastic sphere. A special attention is paid to the elders' lives: Anthony the Great, Gerassimus of the Jordan, Paul Obnorsky and some others.

Key words: eldership, guidance, elders' life, a spiritual power.

Прежде чем обратиться непосредственно к православному опыту старчества, несколько слов следует сказать о руководстве вообще. В менеджменте под руководством понимают совокупность процессов взаимодействия между руководителем и подчиненным, деятельность, направленную на побуждение коллектива или отдельных сотрудников к достижению поставленных перед организацией целей. Достигается это через воздействие соответственно на индивидуальное или коллективное сознание.

С руководством тесно связаны такие понятия как лидерство или личное влияние и власть. То есть можно сказать, что руководство – это частный случай управления вообще, в основе которого лежит способность руководителя к лидерству и наличие у него того или иного вида власти.

В менеджменте принято выделять различные уровни управления или порядок подчиненности низших звеньев организации – высшим. Такой порядок именуется иерархией. Наиболее наглядно принципы иерархии выражены в системе государственной службы – воинской, правоохранительной, специальной и гражданской, где, как правило, более высокую должность занимает человек, имеющий более высокий классный чин, воинское или специальное звание. Чтобы сделать карьеру на государственной службе, начиная с низших ступенек и до высших чинов, обычно требуется не менее двадцати-тридцати лет.

Однако и обладатели высших чинов в системе государственного управления имеют руководителей. В современном мире во многих странах функцию высшего руководителя выполняет президент (или премьер-министр, как в Великобритании или федеральный канцлер, как в Германии). Интересно, что высшие чиновники, добивавшиеся своих чинов и должностей десятилетиями, обязаны подчиняться человеку, который, возможно, не имеет никакого государственного чина или звания, но избранного большинством избирателей на пост главы государства. Итак, в иерархической системе государственной власти – глава государства является его высшим руководителем, наделенным самыми широкими правами и полномочиями.

Вопрос: должен ли кому-то подчиняться глава государства? И если должен, то кому? Общепринятый ответ на этот вопрос, что глава государства подчиняется воле того народа, которым он управляет. Однако следует учесть, что даже самому организованному и дисциплинированному народу практически невозможно прийти к единству хоть по какому-нибудь вопросу и тем более проявить единую волю.

Так должен ли глава государства согласовывать свои решения и поступки еще с чьей-то волей, кроме собственной?

Если обратиться к историческому развитию человеческой цивилизации окажется, что практически во все времена в разных концах света, у различных народов этот вопрос решался похожим образом. За правителем признавалась светская власть, власть над подданными, над их жизнью и смертью, но не над их душами. Высшей же властью всегда являлась та, которая управляла волей и верой людей, а таковой в большинстве случаев была духовная или религиозная власть. С нею считались и вожди племен, и короли, и императоры. Так, например, Папа Римский – глава католической церкви, в соответствии с документом, известным в истории как «*Dictatus papae*» (Диктат папы), имел право низлагать императоров, а еще мог освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех. То есть фактически мог отстранить любого правителя-католика от власти.

В различные периоды истории России православная церковь обладала большей или меньшей светской властью. Тем не менее, все российские правители осознавали громадную духовную власть православной церкви над людьми и над ними самими. Практически все российские правители, каким бы образом они не получали свою власть, неизменно стремились легитимизировать ее через особое церковное благословение. Кстати, и в новое время, каждый российский президент: Борис Ельцин (в 1998 г.), Владимир Путин (в 2005 г.), Дмитрий Медведев (в 2008 г.) неизменно посещали знаменитый Ипатьевский монастырь в Костроме, где в марте 1613 г. было объявлено решение Земского собора о призвании на царство Михаила Фёдоровича Романова. Интересно, что Путин посетил Ипатьевский монастырь 24 марта – в тот же день, когда в его стенах было объявлено решение Земского собора. Кстати, он выделил 50 млн рублей из федерального бюджета на восстановление Ипатьевского монастыря¹. Медведев и вовсе приехал в Кострому на восемь дней после своего вступления в должность Президента РФ². Кроме Ипатьевского монастыря, и Медведев, и Путин, посетили в Костроме Богоявленско-Анастасьинский женский монастырь, где хранится чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, которой по преданию мать первого царя из рода Романовых – Михаила, монахиня Марфа благословила его на царство.

Ну а в дореволюционный период, отношение к получению духовного благословения на власть было очень серьезным. Главным элементом церемонии коронации российских монархов начиная с Ивана III, являлось сакральное таинство миропомазания или «помазания на царство». Этот обряд пришел в Россию из православной Византии, где был известен уже с V в. Целью таинства являлось получение даров Святого Духа, необходимых для управления страной. Кстати обряд «помазания на царство» проводился так же в католических странах и в англиканской Великобритании.

Впрочем, было бы неверно говорить о том, что мирские правители искали над собой духовной власти или добровольно делились своей властью с правителями религиозными. Отнюдь. Та же реформация в Европе, хотя и была вызвана многочисленными противоречиями между буквой и духом Библии, и практикой католицизма, но без поддержки власть имущих, князей и королей, кровно заинтересованных в освобождении от вассальной зависимости от Римского Папы, никогда бы не могла состояться.

Церковная реформа Петра I так же в первую очередь была направлена на ликвидацию автономной от государства церковной

¹ <http://www.regnum.ru/news/426889.html>

² <http://ria.ru/politics/20080515/107479739.html>

юрисдикции и подчинение русской православной церкви непосредственно главе государства. Ну а что сделали большевики, придя к власти? Они не только отделили церковь от государства, но изо всех сил пытались ее уничтожить – видя в ней одного из главных и опасных врагов своей власти.

Итак, с одной стороны мы видим, что любая власть сама нуждается в духовном укреплении, наставничестве и заступничестве перед высшими силами. С другой стороны, зачастую мирские правители видели для себя в церковной власти опасного соперника и даже врага. Не только исторические примеры показывают нам, что эти опасения не безосновательны, но и события наших дней на Ближнем Востоке. Мы видим, как исламские религиозные фанатики, создают путем военного захвата и террора, так называемое «Исламское государство».

Выход из сложившейся ситуации нам видится к обращению, прежде всего властей и руководителей, за духовной помощью к древней православной традиции старчества. Старцы имели огромную, прежде всего, духовную власть над людьми, в том числе над правителями государств и над собственным церковным начальством. В тоже время, они, в своем духовном развитии поднялись над типичным содержанием взаимоотношений между людьми, сумели оказать за рамки, которые диктуются обществом остальным его членам. Они не жаждут власти, ни в чем не видят нужды, не заботятся о дне завтрашнем, полностью отдавая себя в руки Бога. Их повседневная жизнь и поведение нередко шокирует людей, но и восхищает. Слова и поступки старцев заставляют задуматься о собственном месте в мире, бренности тела и посмертной судьбе собственной души.

Так кто же такие старцы? Прежде всего – это люди, наделенные Богом, подобно царю Соломону, даром особой мудрости. Мудрости не человеческой, но небесной или духовной, потому что их знания, их прозорливость, не наследовались ими от родителей, не появились вследствие каких-то упражнений и тренировок, но были дарованы свыше за чистоту их сердец и помыслов.

Старец – это христианский мудрец, достигший, как бы сказали на Востоке – «просветления». В отношении старцев просветление – это не просто образность речи, но и вполне материальный факт. Те, кто встречался со старцами, часто описывают, что те словно бы светятся изнутри теплым благодатным светом. Вот как описывает свою встречу православный писатель Игорь Изборцев с нашим современником старцем протоиереем Николаем Гурьяновым: «Дверь открывалась, и на крылечко выходил батюшка. Все замолкали и впитывали исходящий от него чистый умиротворяющий свет... <...> “Помоги вам Господи”, – говорил он, – и что-то тут же происходило, менялось в жизни.

Верно Господь, приклонив ухо Свое с Небес, слышал каждое батюшкино слово и, по молитвам старца, простирает божественную десницу Свою для помощи нуждающимся...»³.

Впрочем, не следует думать, что духовные силы даются старцам как подарок. Действительно, прозорливость и чудодейственная сила молитв даруется старцам не за какие-то заслуги или жертвоприношения, но и не в подарок. Подарком человек волен сам распоряжаться, как с ним поступить – использовать ли или убрать за ненадобностью в чулан. А Дар, данный от Бога прятать нельзя. Таланты, согласно известной евангельской притче, обязательно должны приумножаться, и тот, кто ими наделил, обязательно спросит человека, с какой пользой он их употребил.

Еще следует осознать, что дар старчества – это не прозорливость и не способность к пророчествам, хотя и это дано старцам. Но дано, лишь как инструмент для осуществления главной задачи, порученной старцам – духовному руководству тех, кого Господь привел к ним.

Митрополит Трифон (Туркестанов) пишет: «...Особый дар руководства, основанный на водительстве Св. Духом пасомых ко спасению, и называется даром старчества и требует от носителя этого дара мудрого любвеобильного попечения о вверившихся ему душах. [...] Идея старчества, начинаясь с первой главы книги Бытия, проходит по всему Ветхому Завету, вплоть до явления Спасителя». Это пророки Илия и Елисей, Илий и Самуил, Нафан и Давид и др. Старцем, например, являлся и св. Иоанн Креститель. Народ толпами шел к нему за наставлениями, принимая уроки покаяния, участь верному пути ко спасению. Сам Господь Иисус Христос избирает сначала двенадцать, а затем семьдесят два ученика. Апостолы и ученики Христовы впоследствии нередко сами себя называли старцами, являя истинный образ отеческого и старческого душепопечения о своих чадах (1 Петр. 5, 1; 2 Ин. 1, 1-7; 3 Ин. 1, 1-4; Флп. 1, 4-12)»⁴.

Как определенная традиция в христианской, прежде всего в иноческой среде, старчество оформляется примерно к IV в., прежде всего в пустынях Египета, Сирии и Палестины, куда подвижники уходили от мира, в поисках уединения. Главным делом их жизни становилась спасительная молитва, а нахождение поблизости прочих людей, даже и родственников, но не воцерковленных, сильно мешала молитвенному деланию. Живя в уединении, отшельники-молитвенники зачастую достигали больших духовных высот, и слава об их подвигах не могла не распространяться среди людей.

³ Изборцев, И. О тех, кто всегда идет впереди нас. – М.: ООО «Синтагма», 2010. – С. 15.

⁴ <http://www.optina.ru/history/optina/2#1>

Например, один из первых старцев – пустынножителей Антоний Великий прославился тем, что раздал все свое имение бедным и смог побороть и посрамить сильно искушавших его бесов блуда и сребролюбия. Он заложил камнями вход в пещеру и прожил в ней в полном уединении, предаваясь лишь молитве и посту целых двадцать лет, после чего стал делиться своим опытом борьбы со страстями и искушениями, с пришедшими к нему учениками.

Другой известный старец – авва Герасим Иорданский, известен как великий постник, который мог воздерживаться от пищи до сорока дней поста. Он основал лавру – один из первых христианских монастырей. Широко известна история о том, как он приручил дикого льва, исцелив его раны, и тот в благодарность долгие годы служил старцу. А когда авва Герасим скончался, лев лег на его могиле и умер от тоски и был похоронен в одной могиле со святым.

Таким образом, жизнь старцев – это ежедневный, ежеминутный подвиг, пример смирения, незлобивости, терпения, всепрощения, сострадания и высшей любви.

Изначально старцами являлись наиболее опытные монахи, прошедшие через многие испытания, которые могли научить молодых иноков правильной молитве – «внутреннему деланию», как преодолеть искушения и очищаться, чтобы в итоге соединиться с Богом. И главному оружию в борьбе с грехом – полному отречению от собственной воли через послушание.

«Сущность старчества определяется как совершенное послушание ученика своему старцу, – пишет Игорь Изборцев. – Безусловно, что от духовного руководителя требуется гораздо больше – и духовная опытность, и духовная рассудительность, и любовь, и личная добродетель. От ученика же всегда лишь одно – совершенное послушание старцу с откровенным исповеданием помыслов...». Потому что источником и началом всех соблазнов и грехов является самолюбие и самоутверждение личности вне ее связи с Богом. Носителем же подобной самости является воля человека. Поэтому на борьбу с собственной волей и направляются главные усилия христианских подвижников⁵.

Наиболее известные древние старцы III-IV вв.: преподобные Антоний Великий, Ефрем Сирий, Макарий Египетский, святитель Василий Великий; V-VII вв.: преподобные Савва Освященный, Нил Синайский, Иоанн Лествичник и др.

С X в., старчество, как наставничество над молодыми иноками, стало угасать из-за повсеместного введения в монастырях нового «общежительного» устава, предполагающего единоначалие игуме-

⁵ Изборцев, И. О тех, кто всегда идет впереди нас. – М.: ООО «Синтагма», 2010. – С. 6-7.

на – руководителя монастыря – как над плотской, так и над духовной жизнью насельников. Даже и в Константинополе, и на Афоне старчество было мало распространено, а в Киевской Руси его не было.

Возродил традиции старчества знаменитый афонский монах Никодим Святогорец. Это произошло XVIII в. с появлением его великой книги «Добротолюбие», ставшей настольным пособием по монашеской жизни для многих поколений иноков⁶.

Первым русским старцем в православной литературе иногда называют преподобного Сергия Радонежского (XIV в.). Однако подобные заявления не имеют под собой надежных подтверждений из исторических источников. Более достоверные сведения имеются о старчестве преподобного Павла Обнорского – ученика Сергия Радонежского, устроившего собственный монастырь по уставам древней церкви. Его, по-видимому, и следует считать первым старцем в Московской Руси. Хорошо известно также о «школе старчества» преподобного Нила Сорского (XV в.), который специально совершил паломничество на Афон, чтобы наиболее точно устраивать жизнь монастырей по заветам древней церкви. К первой половине XVI в. старчество достаточно широко распространилось на Руси, однако во времена правления Петра I, вследствие подчинения жизни Церкви государственным регламентам, традиция старчества прерывается.

Движение старчества в России возрождается в последней четверти XVIII в. под влиянием преподобного Паисия Величковского, подвизавшегося на территории современной Молдавии. Старец Паисий перевел на русский язык «Добротолюбие» Никодима Святогорца, а также оставил после себя множество учеников, разнесших учение о старчестве по всей России. Возрождает же русское старчество иеромонах Лев (Наголкин). В течение 25 лет он подвизается в Чолнском монастыре под руководством своего наставника – старца Феодора (Свирского), после чего возвращается в монастырь, с которого началась его иноческая жизнь – Оптину Пустынь и в 1829 г. становится его настоятелем, где и начинает активно развивать традиции старчества.

Впрочем, русское старчество получило в это время новые черты. Происходит изменение роли и задач старчества. Если прежде старцы духовно окормляли и воспитывали только иноков, то в Оптиной Пустыни открывается новое содержание старчества – наставление в духовной жизни и молитвенная забота о каждом человеке, обратившемся к старцу за помощью. И люди – миряне, стали тянуться в монастырь, ради общения со старцами, совершая паломничества со всех

⁶ См. Смолич, И. К. Русское Монашество: Возникновение. Развитие. Сущность (1988-1917). – М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997.

концов России. Особенно популярны поездки в Оптину Пустынь в середине и второй половине XIX в. были у богатых аристократов, помещиков, купцов, а также интеллигенции славянофильских настроений. За общением и советами сюда приезжали Иван Киреевский, Николай Гоголь, Константин Леонтьев, Николай Страхов, Федор Достоевский, Лев Толстой, Владимир Соловьев и др. Общение с оптинскими старцами глубоко отразилось на творчестве многих русских писателей и философов. Можно сказать, что оптинские старцы стали духовными наставниками и советчиками для всего русского народа.

Расцвет духовного движения старчества в Оптиной пустыни связан с именами иеромонахов Льва, Макария, Амвросия, Леонида, Иосифа, Илариона, Варсонофия, Нектария, Анатолия и др.

Еще одним центром возрождения монастырской духовной жизни и старчества в России явилась Саровская пустынь, славившаяся строгостью своего монашеского устава. В ней подвизалось много замечательных иноков, но особенную славу ей принес великий российский святой и чудотворец – преподобный старец Серафим Саровский.

После революции и разорения монастырей, русское старчество почти полностью исчезает, хотя его образ сохраняется в некоторых лучших образцах русской литературы XX в., например, в произведении Ивана Шмелева («Богомолье»). Одним из последних старцев «старой формации» был знаменитый московский протоиерей Алексей Мечёв (1859-1923), прославленный Русской православной церковью в лике святых в 2000 г. Он, например, являлся духовником знаменитого русского философа Николая Бердяева.

Само старчество сохранилось, вероятно, в единственном месте – Псково-Печерском монастыре, потому что, как указывает архимандрит Тихон (Шевкунов) «... до 1940 г. монастырь находился на территории Эстонии, а после присоединения ее к СССР большевики попросту не успели с ним расправиться – началась война. [...] То, что в монастыре не прерывалось духовное преемство, имело неоценимое значение. Недаром именно здесь, в Печорах, в советские 1950-е гг. было возрождено старчество – одно из самых прекрасных сокровищ Русской Церкви»⁷. В своей книге «Несвятые святые» архимандрит Тихон в частности пишет о нашем современнике архимандрите Иоанне (Крестьянкине), как о несомненном старце, хотя сам архимандрит Иоанн никогда так себя не называл. Вот как он описывается в книге: «...Отец Иоанн на самом деле – один из очень немногих людей на земле, для которых раздвигаются границы пространства и времени, и Господь дает им видеть прошлое и будущее, как настоя-

⁷ Тихон (Шевкунов) архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. – 7-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – С. 127.

щее. Мы с удивлением и не без страха убедились на собственном опыте, что перед этим старичком, которого недоброжелатели насмешливо именовали «доктором Айболитом», человеческие души открыты со всеми их сокровенными тайнами, с самыми заветными стремлениями, с тщательно скрываемыми потаенными делами и мыслями. В древности их называли пророками. У нас в Православной Церкви их именуют старцами»⁸. Архимандрит Иоанн (1910-2006) прожил долгую богоугодную жизнь. И хотя церковь официально не канонизировала его, но многие православные люди в России обращаются к нему в своих молитвах и почитают за святого.

Из наших современников, но уже почивших, старцами считали иеросхимонаха Симеона (Желнин) (1869-1960), который в 2003 г. был канонизирован Русской православной церковью в чине «преподобного» в лике святых Псково-Печерских. К другому чтимому старцу иеросхимонаху Стефану (Игнатенко) (1886-1973), подвизавшемуся в Кисловодске, на беседы и исповедь ездила даже братия Троице-Сергиевой Лавры. Еще один удивительный человек, почитавшийся за старца – духовный писатель, игумен Никон (Воробьев) (1894-1963 гг.). Подлинным старцем считают за прозорливость и исцеления по молитвам. За прозорливцев и подлинных старцев почитают архимандрита Серафима (Тяпочкина) (1894-1982), схиархимандрита Макария (Болотова) из Оптиной пустыни (1932-2001), протоиерея Николая (Гурьянова) с острова Талабск под Псковым (1909-2003) и других российских исповедников.

Из ныне живущих одним из наиболее почитаемых старцев РПЦ конца XX – начала XXI в. считают архимандрита Кирилла (Павлова) (родился в 1919 г. 8 сентября 2014 г., ему исполнилось 95 лет). Он является духовником Троице-Сергиевой лавры и духовным отцом трех русских Патриархов.

Многие верующие за старцев почитают архимандрита Наума (Бабородин) также из Троице-Сергиевой лавры (род. в 1927 г). Многие верующие ездят за советом и помощью к отцу Власию в Свято-Пафнутьевом монастырь (г. Боровск), за прозорливца почитают и схиархимандрита Илия (Ноздрин) из Оптиной Пустыни, отца Серафима из небольшого монастыря в 30 км от Бреста, митрофорного протоиерея Иоанна (Миронова), настоятеля храма в честь иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша» (г. Санкт-Петербург) и др.

Вообще сегодня в Русской православной церкви (РПЦ) отношение к старчеству и старцам неоднозначное и очень настороженное. Связано это с тем, что к старцам едут десятки и сотни тысяч людей жаждущих, прежде всего исцеления, а не ответов на вопросы о том,

⁸ Там же. – С. 40.

как справиться духовными проблемами, как побороть грех. Поэтому 28 декабря 1998 г. Священный Синод РПЦ принял весьма важное определение по данному вопросу, давшее оценку некоторым искажениям церковной традиции, встречающимся у отдельных духовников. В частности, в вопросах самочинного наложения неоправданных запрещений и давления на волю прихожан в тех областях их жизни, где Церковь предполагает внутреннюю свободу. «...Вместо власти любви возникает стремление к господству над душами пасомых. Наиболее часто эта страсть проявляется в желании добиться от духовных чад исполнения подвига совершенного послушания. Священник, в особенности молодой, сверх меры «ревностный», начинает стяжать «подвига старчества», требуя от прихожан безоговорочного послушания, полного отсечения собственной воли, отдачи себя во власть пастыря. Он категорически запрещает даже в непостные периоды чтение светских книг, журналов, посещение театров, кино, концертов, участие в культурных мероприятиях. Подвергая жесткой цензуре всю жизнь своих прихожан, такой пастырь совершенно не считается с личными особенностями, условиями жизни и возможностями каждого из них, а главное, в соблазне гордыни переоценивает собственные дарования, предписывая себе редчайший дар прозорливости, которым обладали лишь избранные духовные старцы, например, преп. Серафим Саровский, оптинские подвижники, протоиерей Иоанн Кронштадтский и Алексей Мечёв и некоторые другие»⁹.

Таким образом, старчество – это, прежде всего духовное руководство и помощь, научение к Спасению, а не авторитаризм и подавление воли и свободы верующих. Оно основано на духовном единстве руководителя и пасомого. Духовный опыт, возникающий из общения старца с тем, кем он руководит – уникален и неповторим, также как уникальны личности тех, кто находится в этом продолжительном духовном общении.

⁹ Настольная книга священнослужителя. – Т. 8. – М., 1988. – С. 637-638.

А. Г. Капустин

Состояние здоровья и физической
подготовленности допризывной и призывной
молодежи Кировской области

A. G. Kapustin

Health Grounds and Physical Fitness
of Preinduction and Induction Youth
of the Kirov Region

Автором проведены исследования, которые показывают, что за последние 10-15 лет уровень состояния здоровья и физической подготовленности допризывной и призывной молодежи Кировской области остается низким и не соответствует требованиям, предъявляемым к будущим защитникам отечества. В статье автор предлагает решить проблему комплектования Вооруженных Сил комплексом подготовительных педагогических мер, направленных на совершенствование физической и морально-волевой подготовки юношей.

Ключевые слова: состояние здоровья, допризывная и призывная молодежь, комплекс педагогических мер, физическая и морально-волевая подготовка юношей.

The author has made some researches which show that during the last 10-15 years the level of health ground and physical fitness of the preinduction and induction youth of the Kirov region is very low and does not correspond to the demands of future defenders of the Fatherland. In the article the author proposes to solve the problem of the armed forces compilation by means of a complex of preparative pedagogical steps turned on the perfection of physical and moral-willed training of the youth.

Key words: health grounds, the preinduction and induction youth, a complex of pedagogical steps, of physical and moral-willed training of the youth.

За последние десятилетия в Российской Федерации (РФ) обострилась проблема комплектования Вооруженных Сил (ВС) рядовым составом. В то же время, в условиях активизации международного и внутреннего терроризма, повысилась необходимость сохранения боеспособности Российской армии, большую часть которой составляют военнослужащие срочной службы. Сегодня более 60% призывников готовы уклониться от службы в армии, воспользовавшись для этого как законными, так и незаконными методами. Опросы лиц призывного и допризывного возраста, а также их родителей, свидетельствуют о том, что до 80% респондентов отрицательно относятся к необходимости прохождения срочной службы в рядах ВС РФ. Среди причин называются: нежелание «тратить время», страх перед неуставными отношениями, опасение оказаться в зоне боевых действий, боязнь жить в режиме повышенных физических и психологических нагрузок. Работники военкоматов отмечают, что из призванных на военную службу юношей до 35% не соответствуют нормам по показателям здоровья, физической подготовленности; многие отличаются повышенным уровнем тревожности, депрессивным состоянием. Подавляющее большинство призывников оказываются физически, психологически и нравственно не готовыми к исполнению своего конституционного долга. Решить проблему комплектования ВС только методами государственного регулирования порядка призыва на срочную военную службу невозможно. Для этого необходимо исследовать комплекс подготовительных педагогических мер, в т. ч. по совершенствованию физической и морально-волевой подготовки юношей.

Здоровье юношей призывного возраста – это не только индикатор уровня здоровья и социально-экономического благополучия страны, но и потенциал ее будущего экономического развития и безопасности. Вместе с тем, устойчивой тенденцией конца XX в. и начала XXI столетия является ухудшение здоровья детей и подростков, особенно лиц, подлежащих призыву на военную службу. При медицинском освидетельствовании призывников почти треть из них признается не годной к военной службе. Это обусловлено как государственными факторами ухудшения общественного здоровья в России, так и специфическими факторами, такими, как качество военно-врачебной экспертизы и полнота и эффективность лечебно-оздоровительных мероприятий лиц допризывного и призывного возраста [3].

Несмотря на появление за последние годы ряда исследований, посвященных изучаемой проблеме, они освещают разноплановые аспекты, и кроме того, отражают в значительной степени специфику тех регионов, в которых проводятся. В последние годы комплексные исследования, направленные на улучшение здоровья призывников и

повышение качества их медицинского обеспечения по Кировской области проводились редко. Указанные аспекты и определили актуальность выбранной темы исследования [2].

Тестирование общей физической подготовленности юношей на призывном пункте Кировского облвоенкомата и социологический опрос призывников в форме анкетирования подтвердил, что уровень физической подготовленности юношей, призывающихся на действительную военную службу остается крайне низким.

Из всех призываемых на военную службу юношей 65,8% имели возраст 18 лет, 14,2% – 19 лет, 15,3% – 20 лет и 4,7% были старше 21 года. Из сельской местности призвано 55,6%, из городской – 44,4% призывников. Основная часть юношей (40,3%) перед призывом на службу закончила ПТУ, 14,2% – ССУЗы, 16,5% – 11 классов общеобразовательной средней школы, 3,5% – ВУЗы, почти каждый четвертый юноша (23,6%) имел только неполное среднее образование (9 классов) и 1,9% – не закончили школу.

Уже во время учебы 80,8% призывников испытывали затруднения в сдаче учебных нормативов по физической культуре. Из них в видах, характеризующих общую выносливость, затруднения испытывали 69,6% (бег на 3 000 м – 40,9% и в лыжных гонках – 28,7%). В подтягивании на перекладине трудности испытывали 16,9% юношей, в беге на 100 м – 8,1% и в метании гранаты – 5,4%.

Из 360 призывников только 25 имеют спортивные разряды (6,9%), из них 10 человек – юношеские, 9 человек – III разряд и по три человека имеют I и II взрослые разряды. Такое низкое качество физической подготовленности объясняется тем, что лишь 6% призывников занимались в спортивных секциях более пяти лет, 22% – от трех до пяти лет, 43% – до двух лет и 29% – один год и меньше. Лишь 14,4% призывников занимались самостоятельно физическими упражнениями, из них один раз в неделю – 26,9%, два раза – 38,5% и три раза и более – 34,6%.

О слабом здоровье будущих защитников Отечества можно судить по следующим цифрам. Так 59,4% юношей, призывающихся на действительную военную службу, регулярно курят, 21,7% – курят иногда и только 18,9%, т. е. каждый пятый, не курят совсем. Из всех юношей лишь 13,3% не употребляют спиртные напитки, регулярно пьют – 27,8%, иногда – 58,9% призывников.

Проблема адекватной подготовки юношей к службе в ВС РФ (с точки зрения должного уровня здоровья) является чрезвычайно актуальной. Изучение результатов освидетельствования допризывников в Кировской области показало, что из их числа примерно каждый шестой юноша в возрасте 15 лет (от 12,2% до 17% за сравниваемые годы) и примерно каждый девятый в возрасте 16 лет (9,5-13,2%)

после освидетельствования был впервые взят на диспансерный учет. Имели достаточно серьезные заболевания, требующие диспансерного наблюдения. Нельзя не отметить также, что в целом уровень здоровья обследованной группы лиц не является высоким, более половины из них уже состояли на диспансерном учете. Причем в динамике данный показатель состояния здоровья имеет тенденцию к ухудшению.

Из числа состоящих под диспансерным наблюдением половина (48,6% в возрасте 15 лет и 50,3% в возрасте 16 лет) нуждается в лечении. В проведении оздоровительных мероприятий нуждаются более половины состоящих под наблюдением (57,6% юношей 15 лет и 56,3% 16 лет). Из числа нуждавшихся лечение получили только 76,5% лиц 15 лет и 79,3% 16 лет, причем в динамике оба показателя снижаются, особенно в возрасте 15 лет (в 2002 г. они соответственно составляли 86,6% и 79,3%). Выше процент юношей, которым были проведены оздоровительные мероприятия из числа нуждавшихся в них, и он имеет положительную динамику: среди 15-летних юношей он составлял от 69,5% к 85,7%; среди 16-летних от 72,2% к 87,7%. В санации нуждались чуть менее трети юношей (31,3% в 15 лет и 29,4% в 16 лет), что достоверно ниже по сравнению, например, с 2001 и 2002 гг. Нельзя назвать высоким (68,2% и 69,1%) процент санированных из числа нуждавшихся в санации, причем в динамике он остается практически неизменным [1].

Важно подчеркнуть, что эффективность проводимых лечебно-оздоровительных мероприятий является невысокой. Так, суммарный процент лиц, которые были переведены из III группы диспансерного учета во II-ую, из II-ой в I-ую, а также снятых с учета, составил 7,8% среди юношей 15 лет и 9,3% среди 16-летних. Причем в динамике он меняется несущественно ($p > 0,05$).

При первоначальной постановке на воинский учет годными к военной службе (категория «А») признается около трети освидетельствованных. Доля отнесенных к категории «Б» (годных с незначительными ограничениями) имеет тенденцию к снижению. За исключением 2004 г. не меняется динамика и процент отнесенных к категории «Г» (временнее негодных). Причем, важно отметить, что к данной категории отнесен почти каждый четвертый освидетельствованный. От 1,4% до 1,7% колеблется за анализируемый период процент лиц, отнесенных к категории «Д» (лиц не годных к службе).

У большинства освидетельствованных (67,9-78,1%) были выявлены те или иные заболевания, причем у каждого третьего впервые. Важно отметить, что среди граждан с впервые выявленными заболеваниями две трети (65,2-70,5% за отдельные годы) отнесены к кате-

гориям «В», «Г» и «Д», т. е. эти заболевания носят достаточно тяжелый характер.

Анализ структуры указанной патологии показывает, что почти треть (32,4%) приходится на психические расстройства, четверть (23,8%) – на болезни, связанные с недостаточностью питания и почти каждый пятый случай (17,2%) – на болезни костно-мышечной системы. Изучение частоты различных заболеваний, которые были впервые выявлены при первоначальной постановке на учет и являлись причиной различных ограничений к службе, показало, что в целом на 1 000 освидетельствованных было выявлено 235,4 таких заболеваний. Наиболее частыми из них являлись психические расстройства (76,3%), недостаточность питания (55,9%), болезни костно-мышечной системы (40,4%), органов пищеварения (10,3%).

Среди граждан с впервые выявленными заболеваниями почти половина (42,6%) направляется на дополнительное обследование. Практически во всех случаях (98-100% за отдельные годы) это обследование было выполнено, хотя важно отметить, что при психических расстройствах показатель ниже (71,6%). Кроме того, среди поставленных на воинский учет каждый четвертый (24,7%) нуждался в санации полости рта, каждый пятый (20,9%) – в обследовании и почти столько же (18%) – в консервативном лечении; сравнительно невысоким был процент нуждавшихся в оперативном лечении (1,6%), коррекции зрения (3,3%), протезирования зубов (0,2%). В наибольшей степени были выполнены рекомендации по коррекции зрения (в 95,4% случаев); в минимальном (54,3%) – по протезированию зубов; по остальным видам диагностических и лечебных мероприятий показатель колебался от 81,2 до 82,1%.

При изучении результатов медицинского освидетельствования призывников было установлено, что примерно треть из них (30-34%) ежегодно признается годной к военной службе и чуть более трети (33,4-38,8%) годной с незначительными ограничениями. То есть, только две трети освидетельствованных подлежат призыву. Почти каждый четвертый (24,3-28,5%) ограниченно годен. Незначителен процент признанных временно не годными (3,2-4,5%) и не годными к военной службе (1,2-1,5%).

У двух третей призывников (66,6%) при освидетельствовании выявляются заболевания, причем у каждого пятого (19,9%) впервые. Среди граждан с впервые выявленными заболеваниями лишь небольшая часть (7,9%) отнесена к категории «А», причем по сравнению с 2002 г. она сократилась вдвое. Почти половина (46,9%) данных лиц отнесена к категории «Б» (за анализируемый период показатель увеличился вдвое) и половина (49,5%) – к категориям «В», «Г» и «Д» (доля данных категорий в динамике снижается). То есть, можно от-

метить, что за период от освидетельствования при первичной постановке на воинский учет до освидетельствования при призыве у пятой части призывников появились новые заболевания, которые в большинстве случаев вызывают ограничения в службе (в т. ч. в половине – достаточно существенные).

Среди тех, кто был отнесен к категориям «В», «Г» и «Д», у каждого четвертого (26,7%) имелись заболевания костно-мышечной системы; почти у каждого пятого (17,1%) – психические расстройства; у каждого девятого болезни системы кровообращения (11,4%) и органов пищеварения (12,2%); у 4,5% – болезни глаза и его придаточного аппарата; у 25,2% – прочие заболевания. В динамике имеет место отчетливая тенденция к увеличению доли болезней системы кровообращения, глаз, органов пищеварения, прочей патологии и к снижению процента лиц, имеющих недостаточность питания.

Изучение частоты этих заболеваний (на 100 освидетельствованных) в случаях, когда они вызывали ограничения к годности к военной службе, показало, что чаще всего (26,3%) выявлялись заболевания костно-мышечной системы. Далее по частоте встречаемости следуют психические расстройства (16,8%), болезни органов пищеварения (12%), системы кровообращения (11,2%), глаз (4,5%) недостаточность питания (2,8%).

В целом показатель заболеваемости призывников (по категориям «В», «Г» и «Д») колеблется весьма значительно от 28,3 до 33,7%. Выравнивание методом наименьших квадратов показало, что имеет место слабо выраженная тенденция к его росту.

Как отмечалось ранее, особую медико-социальную настороженность вызывают психические расстройства, вызываемые среди призывников. Поскольку их частота и удельный вес в динамике постоянно меняются, причем разнонаправлено. Нами также было проведено выравнивание динамических рядов, которое показало, что истинной является тенденция к росту обоих показателей. Среди психических расстройств преобладают умственная отсталость (53,8%), которая лидирует (составляя 89%) в структуре данного класса среди признанных к негодными к службе, а также расстройства личности (37,9%), приводящие к ограничению годности.

Среди тех, кто призывался в Вооруженные Силы по контракту, сравнительно невысок (1%) процент признанных не годными к службе.

Среди освидетельствованных призывников большинство нуждалось в проведении дополнительного обследования и лечения. Из числа нуждавшихся подавляющее большинство прошло обследование и лечение. Этот показатель вырос с 88,8 до 94%. Одним из следствий увеличения данного показателя является положительная тен-

денция (к росту) доли признанных годными и годными к военной службе с незначительными ограничениями: с 14 до 31,8% из числа нуждавшихся в обследовании и лечении и с 15,8 до 33,9% из числа прошедших его.

Процент случаев возврата призывников со сборных пунктов после их повторного осмотра медицинской комиссией колеблется от 1,9% до 3,4%. Выравнивание методом наименьших квадратов показало, что в целом имеет место тенденция к его снижению. В структуре причин возврата в 1999-2001 гг. преобладали болезни костно-мышечной системы (с удельным весом более 40%), начиная же с 2002 г. преобладают психические расстройства. Процент возврата из войск по состоянию здоровья не высок и незначительно колеблется в динамике (0,2-0,5%).

По данным Областного Военного комиссариата Кировской области при постановке на первоначальный воинский учет призывников 1993 г. р. поставлено на воинский учет 6755, из них:

А – годные к военной службе – 2321;

Б – годны с незначительными ограничениями – 1704;

В – ограниченно годны – 1030;

Г – временно не годны – 1350;

Д – не годны – 124.

Таким образом, не годными к прохождению военной службы оказались 21,8% призывной молодежи, а суммарный показатель годности граждан к военной службе (категории «А» и «Б») по итогам проведения медицинского освидетельствования граждан при первоначальном постановке на воинский учет составил в 2010 г. 61,9%, в 2011 г. – 61,3%, что значительно ниже, чем в субъектах РФ Центрально военного округа (2010 г. – 65,5%, 2011 г. – 64,7%) и в целом по РФ (2010 г. – 66,8%, 2011 г. – 66,5%).

Результаты проведенных исследований показывают, что за последние 10-15 лет уровень состояния здоровья и физической подготовленности допризывной и призывной молодежи Кировской области остается низким и не соответствует требованиям, предъявляемым к будущим защитникам отечества.

Список литературы

1. Блинов, А. В., Петров М. В. О здоровье лиц призывного возраста // Фундаментальная наука и клиническая медицина: мат. 10-й Всеросс. медико-биол. конф. молодых исследователей «Человек и его здоровье». – СПб., 2006. – С. 39-40.

2. Капустин, А. Г., Кочнев, А. Н., Шадрин, И. С. Физическая подготовленность допризывной и призывной молодежи Кировской обла-

сти // Проблемы физической культуры на современном этапе и пути их решения: сб. науч. статей. – Киров: ВятГГУ, 2003. – С. 40-45.

3. Петров, М. В. Об организации медицинского освидетельствования граждан, подлежащих призыву на военную службу (по материалам Кировской области) // Проблемы городского здравоохранения: сб. науч. тр. / Н. И. Вишнякова. – СПб., 2006. – Вып. 11. – С. 319-321.

❖ ПРАВО

А. В. Пекшев

К вопросу о дееспособности психически больных

A. V. Pekshev

To the Question of Brain-Sick Capability

В данной статье автор рассматривает проблемы правового статуса недееспособных людей в России. Автор считает, что новая редакция ст. 33 Гражданского Кодекса Российской Федерации расширяет правовой статус недееспособных, а именно лица с психическим расстройством, способные понимать значение своих действий с помощью других лиц, будут признаваться ограниченно дееспособными и в ограниченном объеме участвовать в гражданском обороте.

Ключевые слова: недееспособность, полная недееспособность, психические расстройства, правовой статус, попечительство.

The author considers the problems of the incapable people legal status in Russia. The author believes that a new reduction of the Article 33 of the Civil Code of the Russian Federation enlarges a legal status of incapable people. That means that those brain-sick people who are able to realize their activities by means of other people will be recognized as partially incapable people and they will take part in the civil turnover in a limit extent.

Key words: incapability, a total incapability, thought disorder, a legal status, patronage.

Сущность рассматриваемой проблемы заключается в том, что вопрос правового статуса недееспособных в России традиционно не ставился – людям с психическими расстройствами в нем просто отказывали, подразумевая, что недееспособность может быть только полной, следовательно, ее нельзя регулировать, а можно лишь защищать. Такой подход упрощает задачу правоприменителей,

поскольку признание лица недееспособным в этом случае сводится к установлению диагноза (что является прерогативой медиков) и, на его основе, – отработке формальной процедуры, включающей юридические последствия недееспособности, а в оценке степени осознания лицом своих действий и способности руководить ими просто не возникает необходимости.

Современная же нормативная база справедливо рассматривает статус недееспособных граждан с точки зрения не только защиты их интересов, но и попытки регулирования объема дееспособности. Это дает надежду на постепенное приведение правовых норм в соответствие требованиям современной действительности. С учетом грядущих изменений ГК РФ (в частности, дополнение статьи 30 пунктом 3, а также иных изменений, вступающих в силу со 2 марта 2015 г.), можно считать, что традиционное мнение о невозможности регулирования недееспособности прекращает свое существование [1].

Традиционная система признания гражданина недееспособным опирается на устаревшую концепцию «всё или ничего»: либо полная дееспособность, либо полная недееспособность, в то время как степень неспособности принимать самостоятельные решения в силу психического расстройства проявляется у каждого человека индивидуально, и многие из граждан, признаваемых недееспособными, на самом деле сохраняют возможность принимать адекватные решения в отдельных сферах жизни.

Необходимость правовой фиксации такого волеизъявления европейский законодатель признал на пороге XXI в., что и нашло отражение в рекомендациях Совета Европы, важнейшая из которых формулирует принципы правовой защиты недееспособных взрослых [12].

Однако в России ограничение дееспособности граждан, страдающих психическим расстройством, законом предусмотрено не было. Такое ограничение, в соответствии со статьей 30 ГК РФ, возможно только в том случае, если лицо вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотиками или азартными играми ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Таким образом, при решении вопроса о дееспособности граждан, имеющих нарушения психического здоровья, закон не позволяет суду учитывать степень нарушения самостоятельной способности гражданина понимать значение своих действий и руководить ими в конкретных сферах и в зависимости от особенностей определенного психического расстройства.

Признание гражданина недееспособным имеет своим следствием ограничение лица во многих правах в смысле статьи 55 Конституции России [2], включая право на обращение в суд, на участие в выборах (активное и пассивное избирательное право), на заключение

любых гражданско-правовых сделок, на вступление в брак, на отказ от медицинских вмешательств и госпитализации в психиатрический стационар. Таким образом, лишение дееспособности является, по сути, ограничением в правах, имеющим самые серьезные последствия для гражданина, но не всегда оправданно. Еще С. Н. Братусь отмечал проблему невозможности сохранить частичную дееспособность по ГК РСФСР 1964 г.

В то же время во многих странах нет понятия «полная недееспособность», а если оно существует, то закон предусматривает возможность ограниченной опеки, что соответствует стандартам Совета Европы, сформулированным в указанных Рекомендациях [11-13].

В силу принципа гибкости правового регулирования, меры защиты или иные правовые меры, использующиеся для охраны личных или имущественных интересов недееспособных совершеннолетних лиц, должны быть достаточными по своему объему и гибкости для обеспечения надлежащего правового регулирования соответственно различным степеням недееспособности и различным ситуациям.

В силу принципа максимального сохранения дееспособности законодательные принципы регулирования должны признавать, насколько это возможно, существование различных степеней недееспособности, а также возможность изменения характера недееспособности с течением времени. Соответственно, меры защиты не должны быть автоматически связаны с полным лишением гражданской дееспособности. Тем не менее, ограничение гражданской дееспособности должно быть возможным в тех случаях, когда это является необходимым для защиты заинтересованного лица.

В этой связи показательным примером является дело П. Штукатурова [3], который сумел отстоять свое право быть услышанным, а по особому мнению судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева, статья 29 ГК РФ, предопределяя оспоренные Штукатуровым процессуальные нормы, является дефектной, поскольку устанавливает дуальный выбор для суда – либо признать гражданина дееспособным, либо признать его полностью недееспособным, не допуская при этом возможности признать лицо ограничено дееспособным в зависимости от степени (глубины) психического расстройства личности, влекущей неспособность понимать значение своих действий или руководить ими [6].

Вместе с тем, в соответствии со статьей 21 ГК РФ, гражданская дееспособность – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. По буквальному смыслу статей 21 и 29 ГК РФ, гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими,

может быть признан судом недееспособным, и такое признание должно означать, с учетом конституционного принципа соразмерности (статья 55, часть 3, Конституции), что происходит ограничение, прежде всего, гражданских прав. Конституция предусматривает, что недееспособные граждане не имеют только права избирать и быть избранными (статья 32, часть 3, Конституции). Следовательно, Конституция не исключает возможности для лиц, признанных недееспособными, осуществлять иные избирательные права, в частности право на агитацию. Следовательно, лицо, признанное недееспособным в осуществлении гражданских прав, не лишено права обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33 Конституции). Положение статьи 29 ГК РФ не должно пониматься таким образом, что признание недееспособным в сфере гражданского оборота означает ограничение прав во всех остальных сферах жизни. В частности, признание недееспособным не должно приводить к поражению в процессуальных правах.

Итогом Постановлений Конституционного Суда по делам Шуткаурова, Деловой и Прошкина [3, 4, 7] стала перестройка концепции признания недееспособности граждан России. Уже сегодня такой гражданин вправе обращаться с заявлением о восстановлении процессуальных сроков по делу об обжаловании решения о признании себя недееспособным (абз. 3 ст. 222 ГПК РФ); с заявлением о признании себя дееспособным (абз. 3 ст. 222 ГПК РФ); вправе лично либо через выбранных им представителей обжаловать как не вступившее, так и вступившее в законную силу решение суда по делу о недееспособности, используя все предусмотренные законом формы обжалования (ч. 3 ст. 284 ГПК РФ).

Провозглашенный в Рекомендациях Совета Европы принцип максимального сохранения дееспособности предполагает, что законодательные принципы регулирования должны признавать, насколько это возможно, существование различных степеней недееспособности, а также возможность изменения характера недееспособности с течением времени. Необходимо отметить, что на уровне подзаконных актов четыре степени недееспособности существуют в отечественном праве с 2010 г. [10].

Наиболее существенным изменением профильного законодательства является введение со 2 марта 2015 г. в ГК РФ дифференцированного подхода к пониманию недееспособности в зависимости от индивидуальных особенностей психического расстройства каждого гражданина. Будут учитываться предпочтения такого гражданина при совершении его опекуном юридически значимых действий, придается юридическая значимость полученным сведениям о его пред-

почтениях, появляется законодательная возможность признать недееспособного гражданина ограниченно дееспособным.

Соответственно, меры защиты не должны быть автоматически связаны с полным лишением гражданской дееспособности. Они уже не могут базироваться лишь на факте наличия у лица психического заболевания. Страдающему психическим расстройством, как и всем прочим лицам, в любом случае гарантируется право быть выслушанным, а также присутствие представителя в течение всего разбирательства гражданского дела, поэтому судебное решение уже нельзя вынести лишь на основании одного медицинского заключения. Над лицом, страдающим психическим расстройством и способным понимать значение своих действий или руководить ими при помощи других лиц, будет устанавливаться попечительство. Ранее, согласно ст. 33 ГК РФ, попечительство устанавливалось только над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, а также над гражданами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами.

Новая редакция ст. 33 ГК РФ также вступит в силу со 2 марта 2015 г. Гражданин, ограниченный в дееспособности по данному новому основанию, как и любой ограниченно дееспособный вправе будет:

- совершать сделки с письменного согласия попечителя (допускается возможность последующего согласия). Сделки, которые вправе совершать несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, включая мелкие бытовые сделки (пп. 1 и 4 п. 2 ст. 26 ГК РФ), ограниченно дееспособный гражданин вправе совершать самостоятельно;
- распоряжаться выплачиваемыми на него алиментами, социальной пенсией, возмещением вреда здоровью и в связи со смертью кормильца и иными предоставляемыми на его содержание выплатами с письменного согласия попечителя. Собственными доходами, перечисленными в пп. 1 п. 2 ст. 26 ГК РФ (включая заработок, стипендии), ограниченно дееспособный гражданин вправе распоряжаться самостоятельно.

Гражданин, дееспособность которого будет ограничена вследствие психического расстройства, самостоятельно будет нести имущественную ответственность по совершенным им сделкам. Отменять ограничение дееспособности по-прежнему будет суд. Помимо этого, суд сможет изменить степень ограничения дееспособности.

Если основания для ограничения дееспособности гражданина, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими только при помощи других лиц, изменятся, попечитель обязан будет ходатайствовать перед судом об изменении ограничений дееспособности гражданина [1].

Таким образом, безусловным достоинством указанных изменений законодательства является то, что лица с психическим расстройством, способные понимать значение своих действий с помощью других лиц, будут признаваться ограниченно дееспособными и в ограниченном объеме участвовать в гражданском обороте.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 23.06.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 02.03.2015) // СПС Консультант Плюс.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
3. Постановление ЕСПЧ от 27.03.2008 «Дело “Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации” (жалоба N 44009/05) (Первая Секция)» (жалоба N 59498/00) // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление ЕСПЧ от 07.02.2012 «Дело “Прошкин (Proshkin) против Российской Федерации” (жалоба N 28869/03)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – N 11.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 N 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной» (вместе с мнением судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева) // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 N 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой» // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // СПС КонсультантПлюс.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 N 13 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС КонсультантПлюс.

10. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 23.12.2009 N 1013н (Зарег. в Минюсте РФ 11.03.2010 N 16603, ред. от 26.01.2012) «Об утверждении классификаций и критериев, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» // СПС КонсультантПлюс.

11. Рекомендация N R (83) 2 Комитета министров Совета Европы «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке» (Принята 22.02.1983) // СПС КонсультантПлюс.

12. Рекомендация N R (99) 4 Комитета министров Совета Европы «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых» (Принята 23.02.1999) // СПС КонсультантПлюс.

13. Рекомендация N R (2004) 10 Комитета министров Совета Европы «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством» (Принята 24.02.2004) // СПС КонсультантПлюс.

Е. Д. Гаврилюк, Т. П. Фищева

Сущность уголовного наказания:
уголовно-правовой и криминологический аспект

E. D. Gavriliuk, T. P. Fishcheva

Criminal Penalty Essence: Criminal-Law
and Criminological Aspects

Статья посвящена проблеме уголовного наказания в современных условиях, а именно в условиях гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Автор считает, что замена карательных санкций на меры восстановительной юстиции является реальной и целесообразной.

Ключевые слова: уголовное наказание, предупреждение преступлений, гуманизация уголовной политики.

The article is devoted to the problem of the criminal penalty in the modern conditions that is in the conditions of the humanization of the criminal and criminal-executive law. The author believes that the substitution of the penal sanctions for the measures of the reductive justice are real and desirable.

Key words: criminal penalty, crimes prevention, humanization of the penal policy.

В современных условиях резко обострилась проблема обеспечения законности, правопорядка и безопасности во всех сферах жизни общества. С точки зрения социально-политической, уголовное наказание следует рассматривать не только как меру государственного принуждения, но и как одну из форм разрешения противоречий между личностью и обществом.

Проблема уголовного наказания постоянно находится в центре внимания отечественной и зарубежной уголовно-правовой науки. Свидетельством тому является обширная юридическая литература,

постоянные творческие дискуссии, посвященные изучению этого фундаментального института уголовного права. Криминологию такой институт уголовного права как наказание, интересует в основном в связи с проблемой предупреждения преступлений.

В современной юридической литературе концепция предупреждения представлена в форме учения о частном и общем предупреждении. Цель предупреждения (превенции) совершения новых преступлений, как правило, подразделяют на две – специальное (частное) предупреждение и общее предупреждение. В теории вопрос о разграничении целей исправления и частного предупреждения является дискуссионным.¹

Исследования показывают, что для разных целей наказания характерны разные механизмы воздействия: общее предупреждение – это психическое воздействие угрозы наказания; частное предупреждение – это физическое и психическое воздействие условий отбывания наказания. У них разные показатели эффективности: для общего предупреждения – уровень первичной преступности; для частного предупреждения – уровень преступности среди лиц, отбывающих наказание. Однако отметим, что не для всех граждан угроза наказания имеет мотивирующее значение. Поэтому уровень первичной преступности как показатель эффективности цели общего предупреждения является достаточно условным. Вместе с тем, отсутствие в настоящее время объективных показателей эффективности общей превенции не должно, на наш взгляд, вести к нигилизму в отношении этой цели.

Существуют достаточно веские основания, в т. ч. с позиции здравого смысла, для того, чтобы при разработке и реализации уголовной политики учитывать возможности общепредупредительного воздействия наказания. Кроме того, следует иметь в виду, что последовательный скептицизм в отношении общепредупредительного воздействия наказания логично приводит к сомнениям в возможностях уголовной юстиции вообще каким-либо образом воздействовать на преступность.

Если воздействие угрозы наказания характеризует механизм достижения цели общей превенции, то воздействие реально исполняемого наказания – цели частной превенции.

В настоящее время в нашей стране в связи с процессами гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, начи-

¹ См.: Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л., 1973. – С. 31.; Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов, 1978. – С. 70.

нают занимать все более значимое место. В действующем УК РФ примерно 75% статей содержат нормы о возможном применении альтернативных видов наказаний.

Полагаем, что широкое применение альтернативных видов наказаний должно позволить большему числу оступившихся граждан оставаться в условиях свободы, не терять социально-полезные связи и иметь реальные возможности доказать свое исправление с наименьшими для себя потерями. В концепции развития уголовно-исполнительной системы провозглашается в качестве одной из задач – расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы². Представляется, что, в общем и целом, это будет способствовать совершенствованию уголовно-исполнительной политики, направленной на социализацию осужденных.

Полезность и целесообразность более широкого применения альтернативных уголовных наказаний подтверждается и многолетней зарубежной практикой их использования. Система органов, исполняющих наказания без лишения свободы, в разных странах отличается: в одних контроль за осужденными возлагается на суд, в других эту специальную функцию выполняют такие специальные государственные органы, как полиция, милиция или гражданская служба. В России большинство альтернативных наказаний исполняют специальные органы уголовно-исполнительной системы – уголовно-исполнительные инспекции.

Не вдаваясь в анализ содержания альтернативных наказаний, подчеркнем, что одной из значимых целей назначения наказаний является его превентивная функция – предупреждение совершения новых преступлений. Критерием эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы, на наш взгляд, является снижение уровня рецидивной преступности в целом и пенитенциарной преступности в частности, особенно со стороны лиц, к которым такие наказания применялись.

Надо отметить, что в настоящее время устойчивой тенденции к сокращению уровня рецидивной преступности не наблюдается. Как отмечал, А. М. Яковлев еще в 70-е гг., преступность «существует в обществе, благодаря обществу и в связи с условиями общества»³. Продолжая эту мысль, следует подчеркнуть, что государство и гражданское общество должны выполнять те социальные функции, которые провозглашаются в конституции России. Стоит помнить и учитывать, что именно социально-экономическая сфера общественной жизни

² Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

³ Яковлев, А. М. Преступность и социальная психология. – М., 1971. – С. 40.

лежит в основе всех преобразований. Как известно, большинство преступлений и в России, и за рубежом связано с имущественным обогащением. «В России количественно преобладает имущественная преступность бедняков, а качественно – богатых предпринимателей»⁴.

Надо признать, что политико-правовая сфера так же, как и социально-экономическая, еще не вышла из кризисного состояния. Политическая организация государства, режим власти, ее отношение к праву и его нарушениям – внешняя составляющая социальной политики, в том числе и в области предупреждения преступлений.

Успех любой законодательной реформы зависит от того, насколько она политически мотивированна, научно обоснованна и экономически выгодна. В более широком плане общепреventивные меры предполагают создание в государстве такого порядка, при котором совершать преступления было бы невозможно или не выгодно. Именно на это, на наш взгляд, должны быть нацелены реформы, в первую очередь, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Согласимся, что гуманизация стратегий борьбы с преступностью привнесла ряд положительных изменений в общественную жизнь. Главное из них – усиление защиты и обеспечения его прав и свобод. Но, возможно, это не следствие процесса гуманизации юридической сферы, а как раз его причины. Тем не менее, прогрессивность данной тенденции не вызывает сомнений.

Не секрет, что общественное мнение сегодня против гуманных мер; оно рассматривает их как недопустимую слабость государственной власти. Однако гуманизация уголовной политики вполне устраивает самих правонарушителей. Не считаться с общественным мнением было бы ошибочным. Поэтому, на наш взгляд, гуманизация стратегий борьбы с преступностью не должна быть поспешной.

На современном этапе нужно обеспечить строгое соблюдение вполне гуманных мировых и европейских стандартов обращения с заключенными и норм уголовно-исполнительного законодательства. В этом видится глубокое изучение «восстановительной юстиции», т. е. главным итогом преступления должна являться не кара, как таковая, а, прежде всего, возмещение вреда потерпевшему.

Говорят, что наиболее тяжелое наказание для человека – это утрата того, что он больше всего ценит. Зарубежный автор Ван Несс писал: «Общество стремится восстановить мир между жертвой и правонарушителем. Цели, которые оно преследует для жертвы, мы бы обозначили как исцеление, для правонарушителя – как восстановле-

⁴ См.: Кудрявцев, В. Н. Генезис преступления. – М., 1998. – С. 49.

ние»⁵. Восстановительная юстиция уже довольно давно применяется в Западной Европе, США и Канаде. В России опыт применения рассматриваемой процедуры невелик.

К сожалению, законодатель совершенно не обоснованно сегодня обходит вниманием положение жертвы преступления. Развитие рыночных отношений в нашей стране показывает, что замена карательных санкций на меры восстановительной юстиции, и не только в сфере экономики, является вполне реальной и целесообразной.

Полагаем, что проблемы экономического, политического, социального и иного порядка должны разрешаться средствами и методами, характерными для улучшения социально-правового статуса жертвы преступления и это, конечно, никак не суровые уголовные репрессии к виновным. Более широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы, способно стать реальным и влиятельным фактором социальной адаптации осужденных. Известно, что социальная адаптация считается успешной, когда социально полезные связи осужденного установлены и не имеют существенных отклонений.

В заключении отметим, что наказание – это отрицательная социальная санкция, возникающая как следствие допущенной индивидом или социальной группой правового нарушения и заключающееся в ограничении его возможностей или понижении социального статуса. Нравственно лишь то наказание, которое направлено на предотвращение совершения новых преступлений и создает условия для исправления виновного. По мнению профессора А. И. Александрова, «преступность – это массовое решение людьми своих проблем с нарушение уголовно-правового запрета»⁶. Думается, что ситуация будет меняться тогда, когда мы столкнемся не столько с динамикой наказания (усиление либо смягчение санкций), сколько с его неотвратимостью.

Полагаем и надеемся, что потенциал назначения наказаний, наиболее полно способен реализоваться через превентивную функцию, которая опосредованно видится в снижении уровня преступности в современной России и ее безопасности.

⁵ Ван Несс, Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие. – М., 2003. – С. 47.

⁶ Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. – М., 2003. – С. 179.

Н. Н. Рогова, Т. П. Фищева

Проблемы применения условного осуждения

N. N. Rogova, T. P. Fishcheva

Problems of the Suspended Penalty Appliance

В статье определены основные проблемы условного осуждения, применяемого на территории Российской Федерации. В ходе анализа материалов судебной практики автор делает вывод о том, что условное осуждение должно применяться к лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, и в качестве исключения – к лицам, совершившим тяжкие преступления.

Ключевые слова: условное осуждение, преступление небольшой и средней тяжести, тяжкие преступления.

The article determines the main problems of the suspended penalty that is being applied on the territory of the Russian Federation. In the process of the judicial processes cases researching the author makes a conclusion that a suspended penalty must be applied to the persons who fulfilled small and moderate crimes, and they must be specifically allowed for the people who made bad crimes.

Key words: a suspended penalty, small and moderate crimes, bad crimes.

Институт условного осуждения важен тем, что смягчает принудительное воздействие наказания и позволяет оказывать эффективное влияние на лиц, совершивших преступление, предоставляя им возможность исправления без реального отбывания наказания.

Следует согласиться с мнением ученых, что условное осуждение является формой поощрения [3]. Суд, назначив испытательный срок и оказав доверие виновному, предоставляет ему шанс исправиться, осознать свои ошибки, продолжать жить в обществе в тех же условиях, что он и имел, т. е. поощряет правомерное поведение, стимулирует воспитание осужденного. Приговор суда и назначенное наказание, при всей его кажущейся легкости, не может пройти бесследно.

В УК РФ нет прямого запрета на применение условного осуждения в отношении лица, совершившего преступное деяние, в зависимости от категории преступления, т. е. тяжесть совершенного преступления не является препятствием для применения условного осуждения. Согласно вступившим в силу изменениям в УК РФ в 2003 г., законодатель попытался ввести некоторые ограничения, установив, что суд может применить условное осуждение только при назначении им одного из следующих видов наказания: исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы на срок до восьми лет. В остальном действующая редакция ст. 73 УК РФ предоставляет суду самостоятельно решать вопросы о применении или неприменении условного осуждения; об учете характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; об установлении по своему усмотрению величины испытательного срока; о назначении дополнительных наказаний; о возложении на условно осужденного определенных обязанностей на время испытательного срока; об учете опасности личности виновного.

Таким образом, следует полагать, что условное осуждение можно применить к лицам, виновным в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. При этом применить условное осуждение теоретически можно и в отношении лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. Однако в отношении этих категорий преступлений в литературе нет какого-либо единого мнения.

Одна группа ученых полагает, что условное осуждение не может быть применено к лицам, совершившим тяжкие, а также особо тяжкие преступления, так как отсутствие в рамках ст. 73 ограничений на применение условного осуждения ставит его применение в прямую зависимость от судебного усмотрения, а также создает почву для развития коррупции в судебском корпусе [6].

Другие авторы не исключают применение условного осуждения к тяжким преступлениям, но с условием введения определенных ограничений в его применении или сочетания его с дополнительными наказаниями [7].

Анализируя судебную практику некоторые авторы отмечают, что за такие преступления, как разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ) или вымогательство взятки (ч. 4 ст. 290 УК РФ), в 50% случаев судами применяется условное осуждение. Статистические данные, полученные в Краснодарском и Ставропольском краях, в Ростовской области и Республике Адыгея показывают, что к лицам, осужденным к реальному наказанию в виде лишения свободы за взяточничество, как правило, почти всегда применялось условное осуждение [2].

Правильное и обоснованное применение условного осуждения во многом зависит от обстоятельств, характеризующих личность преступника. При этом уголовный закон не устанавливает конкретный перечень указанных обстоятельств.

Следует согласиться с мнением, высказанным в монографии Т. Ш. Шарипова, о том, что при применении условного осуждения суды должны учитывать такие обстоятельства, характеризующие личность виновного, которые законом не отнесены к признакам состава преступления либо к обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, так как суд при применении условного осуждения должен располагать сведениями, достаточно полно и всесторонне характеризующими личность виновного [7]. При этом судом должны учитываться как отрицательные, так и положительные данные о личности виновного, поскольку главной целью условного осуждения признается исправление осужденного.

Д. С. Дядькин предлагает учитывать при характеристике личности виновного не выявление отдельных признаков, которые подтолкнули человека к совершению преступления, присутствовали в момент его совершения или наличествуют на момент назначения наказания, а установление более общей, целостной совокупности конкретных свойств личности. Такой характеристикой является направленность ее деятельности. Для определения перечня признаков личности, которые позволят однозначно определить направленность ее деятельности, необходимо распределить полученную в ходе судебного разбирательства информацию о виновном в определенной последовательности.

В качестве единого критерия в данном случае должна выступать определенная сторона жизнедеятельности индивида. Данные, характеризующие индивида, можно отнести к одной из двух областей: психофизиологической (пол, возраст, уровень умственного развития, темперамент и т. д.) и социально-правовой (отношение к труду, учебе, общественным интересам, поведение в обществе и т. д.) [1].

В материалах судебной практики о применении условного осуждения суды, применяя ст. 73 УК РФ, иногда ограничиваются лишь ссылками на смягчающие обстоятельства или на положительные характеристики личности виновного, которые без соответствующего анализа всех иных данных не дают полного представления об общественной опасности совершенного преступления, о личности виновного, что указывает на ошибочность применения условного осуждения.

Так, Валянов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, и приговорен к пяти годам лишения свободы условно с испытательным сроком четыре года.

При назначении наказания суд первой инстанции отягчающих вину обстоятельств не усмотрел, принял во внимание молодой возраст осужденного, положительные характеристики, первую судимость, фактическое признание вины, раскаяние в содеянном, считал возможным исправление и перевоспитание осужденного без изоляции от общества и в соответствии со ст. 73 УК РФ назначил ему условную меру наказания.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, направив дело на новое рассмотрение, указав, что суд первой инстанции при назначении наказания не в полной мере выполнил требования ст. 60 УК РФ, а также не учел в должной мере, что действия Валиянова были направлены против представителя власти во время исполнения им свои должностных обязанностей, и не оценил повышенную степень общественной опасности содеянного [5].

Можно привести пример, когда по приговору Юрьянского районного суда Кировской области от 12 октября 2012 г., М. осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ к трем годам лишения свободы. На основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком три года. В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ, на М. возложены определенные обязанности.

М. признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека.

В кассационном представлении государственный обвинитель поставил вопрос об отмене приговора суда ввиду несправедливости назначенного осужденному наказания вследствие его чрезмерной мягкости.

Признав доводы кассационного представления государственно-го обвинителя обоснованными, судебная коллегия в соответствии со п. 4 ч. 1 ст. 379 и ст. 383 УПК РФ отменила приговор районного суда с направлением дела на новое судебное разбирательство, указав, что суд при назначении наказания не в полной мере учел характер и повышенную степень общественной опасности данного преступления, направленного против жизни и здоровья человека и влияющего на последующее состояние здоровья потерпевшего, а также конкретные обстоятельства его совершения.

Аналогичная ошибка была допущена Малмыжским районным судом Кировской области в отношении С., который был признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ к двум годам шести месяцам лишения свободы, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком два года. Приговор отменен с направлением дела на новое судебное разбирательство [4].

По-видимому, условное осуждение должно применяться к лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, и в каче-

стве исключения – к лицам, совершившим тяжкие преступления. Такая позиция соответствует принципу справедливости, а также позволяет сузить судебское усмотрение и сделать более контролируемой деятельность суда по применению условного осуждения. При этом для применения условного осуждения тяжесть преступления должна учитываться в совокупности с другими обстоятельствами, характеризующими как лицо, совершившее преступление, так и само преступление.

Таким образом, для применения условного осуждения суду требуется полно и всесторонне рассмотреть все объективные и субъективные обстоятельства конкретного дела в совокупности и на основании этих проанализированных обстоятельств должным образом мотивировать в обвинительном приговоре вывод о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания.

Список литературы

1. Дядькин, Д. С. Теоретические основы назначения наказания. СПб.: Изд-во «Юридический Центр Пресс», 2006. – С. 226.
2. Данелян, Р. С. Судейское усмотрение и институт условного осуждения // Российский следователь. – 2006. – № 10.
3. Кобец, П. Н., Краснова, К. А. Правовая природа института условного осуждения в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 5. – С. 34-38.
4. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда за 2012 год. URL: <http://oblsud.kir.sudrf.ru/modules> (дата обращения 01.06. 2014 г.)
5. Сборник судебной практики по уголовным делам Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. – М.: Изд. дом «Городец», 2006. – С. 228.
6. Шнитенков, А. Ограничить судебское усмотрение при применении условного осуждения // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 25
7. Шарипов, Т. Ш. Институт условного неприменения наказания в уголовном праве. – М.: Изд-во «Проспект», 2008. – С. 104.

❖ КРАЕВЕДЕНИЕ

В. Б. Помелов

Выдающийся просветитель Вятской земли
епископ Лаврентий Горка

V. B. Pomelov

An Outstanding Enlightener of the Vyatka Land –
Bishop Lavrenty Gorka

В статье приводятся библиографические данные, и дается характеристика просветительской деятельности первого вятского просветителя епископа Лаврентия Горка.

Ключевые слова: епископ Лаврентий Горка, Вятская земля, Киево-Могилянская духовная академия.

The article gives a bibliographic data and an activity characteristic of the first Vyatka enlightener Bishop Lavrenty Gorka.

Key words: Bishop Lavrenty Gorka, the Vyatka land, Kievo Mogilianskiy spiritual academy.

Первые шаги по развитию государственного просвещения в России традиционно связываются с деятельностью императора Петра I в первой четверти XVIII в. Образование, как составная часть петровских реформ, было вызвано к жизни важными социально-политическими и экономическими причинами, такими как необходимость обеспечения политического лидерства дворянства, создание условий для укрепления позиций купечества и промышленников, подготовка кадров для создания новой армии, трансформация системы государственного управления и появление большого количества чиновников. Преобразования требовали грамотных, образованных людей, которых в России крайне недоставало. Кроме того, на пути первых российских деятелей образования и просветителей было немало труд-

непреодолимых препятствий, среди которых выделим нехватку учителей, материальных средств, книг и учебных пособий, а главное – непонимание в местном обществе значимости образования, неготовность обывателей воспринимать «книжное учение».

С решением этих проблем не могли справиться люди, действовавшие, в лучшем случае, по приказу вышестоящего начальства, но в душе противившиеся нововведениям. Временем были востребованы духовные проповедники другого склада мыслей и образа действий, а именно яростные поборники петровских преобразований, настоящие борцы за дело просвещения. Таковым в историю Вятского края вошел епископ Вятский и Великопермский Лаврентий I (Горка), деятельность которого дала мощный толчок к развитию просвещения на Вятской земле. Краткая по времени (1733-1737), но очень плодотворная деятельность Лаврентия Горки «на Вятке» оставила заметный след в местной истории, стала одним из главных региональных духовных событий XVIII в. Именно с созданной им здесь школы фактически ведет свой отсчет просвещение в нашем крае.

Создание передовых для того времени учебных заведений, таких как школа математических и навигационных наук, инженерная, артиллерийская и хирургическая школы, славяно-греко-латинская академия и др. было характерным явлением для столичных городов. В провинции же по-прежнему царили отсталость и неграмотность. Региональной образовательной среды как таковой практически не существовало во многом и потому, что население в массе своей не видело большого смысла в овладении грамотностью. В то же время, согласно требованиям «Духовного регламента» (1721 г.), составленного выдающимся общественным и религиозным деятелем петровской эпохи Ф. Прокоповичем, предписывалось создавать архиерейские школы для детей духовенства.

Религиозное мировоззрение по-прежнему оставалось доминирующим в общественном сознании и данное обстоятельство во многом предопределило своеобразие создававшихся в тот исторический период школьных учреждений. С одной стороны, это были русские школы, в которых преподавались учебные предметы на русском языке и был очень силен элемент православной религиозности. С другой стороны, школьные «фундаторы» должны были учитывать современные общественные веяния и изучать «европейские науки» (латынь, математика, история и география, начатки естествознания и пр.). Такой двойственный характер явственно прослеживается в деятельности первых вятских просветителей, и прежде всего епископа Лаврентия Горки.

Лаврентий (в миру – Андрей) Горка родился в 1671 г. в местечке Лавров, близ г. Львова. По окончании Киево-Могилянской духовной академии, одного из крупнейших учебных заведений России того

времени, он преподавал в нем вместе со своим другом Ф. Прокоповичем (1681-1736), вел курс «пиитики» (с 1706 г.) и риторики (1708-1710). Л. Горкой была написана трагикомедия «Иосиф» (1708 г.) на традиционный библейский сюжет, составлен курс «пиитики» (1707 г.). В своих учебниках Прокопович и Горка выражали любовь к произведениям античной литературы, приводили отрывки из работ Вергилия, Горация, Овидия.

Хотя Горка был по возрасту старше Прокоповича, он смотрел на своего друга, вскоре ставшего ректором академии (в 1711 г.), а впоследствии и иерархом русской православной церкви, «снизу вверх», считал его своим руководителем в науке, называл себя смиренно «братом во-вторых Феофана Прокоповича». Прокопович был одним из самых ярких сторонников преобразований Петра I. Нередко свои проповеди он посвящал светским темам, например, прославлению побед русского оружия, восхвалению царя-реформатора. Не забывал он и о необходимости просвещения.

В 1710 г. Л. Горку за отличие по службе утвердили игуменом Выдубицкого монастыря в Киеве. В 1722 г. он стал архимандритом Воскресенского монастыря на Истре. В тот же год по ходатайству Феофана Горка был приглашен в Санкт-Петербург и назначен обер-иеромонахом армии и флота. За свою ученость и усердие Горка заслужил особенное благоволение императора и 8 сентября 1723 г. был назначен епископом в Астрахань, где служил до 1727 г. Далее он служил епископом в Великом Устюге (1727-1731), Рязани (1731-1733) и, наконец, в Хлынове (1733-1737). 25 сентября 1733 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о перемещении Рязанского архиерея Горки за его «продерзости» на Вятку, а Вятского архиерея Алексия Титова – в Рязань. На следующий день Святейший Синод утвердил этот указ. Служение в Рязанской епархии, расположенной вблизи Москвы, считалось более почетным, в то время как город Хлынов уже тогда слыл местом ссылки, куда несколькими годами ранее был отправлен и архиерей Алексей.

Торжественная встреча нового вятского владыки произошла 9 сентября в церкви всех святых. Хлыновцы были удивлены скорым приездом Лаврентия, последовавшим на пятый день после отъезда епископа Алексия. Лаврентий был архиереем совсем другого типа по сравнению со своими предшественниками. «Привыкшие к важным, тихим, размеренным движениям и речам старорусских предместников, они увидели перед собой характерного малоросса, были изумлены его подвижностью, необыкновенной живостью его речей и жестов» [1, с. 56].

В ходе подготовки к открытию школы, первой в Вятском крае и в Предуралье, Л. Горке пришлось столкнуться со многими трудностями

(отсутствии учебных пособий, учительских кадров, средств, помещений и т. п.). Но самым большим препятствием было активное сопротивление со стороны части местного духовенства, закосневшего в невежестве и не желавшего получать в лице учащихся будущих конкурентов на занятие «лучших священнических мест». Епископу пришлось отрешать от должности священнослужителей, мешавших работе школы, причем в ряде случаев меру наказания определял Святейший Синод, к помощи которого он был вынужден прибегать.

Помощниками первого вятского просветителя оказались люди грубые и невежественные, которые в ответ на упреки и внушения Горки стали его открытыми врагами. Решительное противодействие он встретил даже там, где был вправе ожидать помощи в первую очередь. Лица, стоявшие во главе хлыновского духовенства, такие как архимандрит Успенского Трифонова монастыря Александр Корчемкин, протоиерей Троицкой церкви Артемон Шубин, ключарь Никита Клобуков не только высказывали прямое порицание деятельности своего епископа, но первые двое даже самовольно оставили Хлынов и отправились в Святейший Синод с наветами на Л. Горку. Доносы на епископа продолжались в течение всего периода его деятельности в Хлынове. В ответ на это в своем «доношении» в мае 1834 г. он писал: «В многообразном и нестерпимом гонении от врагов, всемирно у Святейшего Синода прошу крепкого защитения и помощи, ибо за таким гонением нельзя мне и жить, не токмо епархию управлять. Все единодушно на мое зло настроены и развращены, все безмерно на соблазн прочим распустились, все не слушают; иные бегают, другие укрываются и неисповедимые пакости мне творят... Хотел я и учения славяно-латинския в епархии Вятской заводить и учителей из Киева двух человек мирских вызвал; но за таким гонением и противностями ждать доброго невозможно» [2, с. 18-19].

Важным направлением деятельности епископа Лаврентия было «выправление» хозяйственного положения архиерейского дома, которое ко времени приезда Л. Горки в Хлынов в 1733 г. было плачевным. От предшественника не осталось не только домовая денежная казны, но был долг в коллегию экономии в размере 529 руб. 34 коп. [2, с. 13]. Тем не менее, епископ незамедлительно приступил к созданию школы. Для того чтобы иметь средства к обустройству школы, Л. Горка разослал по всей епархии указ о том, чтобы попы, дьяконы, дьячки, пономари, сторожа и просворницы «немедля» явились к нему «все необходимо». Он принимал являвшихся к нему духовных лиц, подробно расспрашивал их о доходах и определял сумму, которую каждый из них беспрекословно должен был внести на содержание школы. Он требовал, чтобы все монастыри и пустыни доставили «ни мало не медля» в архиерейский дом двадцатую долю хлеба, которую они должны были

поставлять уже в течение десяти лет. Однако ни одно его распоряжение не было принято к исполнению быстро и охотно. Священнослужители являлись «с великою неохотою и тое самое малое число», а остальные, в течение почти целого года, по ноябрь 1734 г. «вовсе не являлись». В 1734 г. двадцатой доли хлеба не передал ни один монастырь. Никто не представил ведомости о количестве хлеба, подлежащего «выделу» (то есть выделению) для нужд школы.

Неоценимую помощь Горке в этот период оказал вице-президент (с 1721 г.) Святейшего Синода архиепископ Ф. Прокопович. При его содействии некоторые «закащики» были смещены. А. Корчемкин, бежавший после своего доноса на Горку в Москве в Рязань, был схвачен и казнен. Другие церковнослужители, выказывавшие невнимание к указанию Л. Горки, были вызваны в крестовую палату и получили надлежащее «вразумление». В итоге, противостояние епископа Лаврентия и реакционеров-священнослужителей на некоторое время ослабло.

Для лучшего учета Л. Горка завел ведомость прихода и расхода «и об остатке хлеба и денежной казны, собираемых с монастырей двадцатой доли на содержание семинарии». В ней по различным разделам указаны поступления хлеба в «четвертях» и «четвериках», денег – в рублях и копейках; отмечается, сколько следует купить овса, толокна, ржи, яровых. К 1735 г. уже большая часть духовенства внесла в архиерейскую казну деньги на содержание школы, а с начала 1735 г. стала вносить и «двадцатую долю». Тем самым, материальные средства для открытия школы, были изысканы. Школа была устроена в архиерейском доме. Она размещалась в одной большой двухэтажной и трех небольших деревянных избах, находившихся внутри ограды архиерейского дома.

Непростыми были и поиски «годного для обучения студентов человека к себе на Вятку». Найти учителей оказалось делом нелегким. Киевские богословы крайне неохотно отзывались на приглашения архиереев занимать должности в провинциальных школах. Между тем Л. Горка в своем стремлении совершенствовать организацию обучения устанавливал культурные и научные связи с известными центрами просвещения и развития педагогической мысли. С этой целью он пишет письмо в свою «альма матер» – Киево-Могилянскую духовную академию, которая, как отмечалось в его льстивом послании «изобиловала учеными людьми» и «от нея, аки от пресловутых оных Афин, вся Россия источник премудрости почерпает и вся своя новозаводимыя училищныя колонии напаяет и изращает. Академия Киевская еще умножит себе славу, егда и в Вятскую колонию извезет на жатву делателей и поможет собирать плоды богоугодные и душе-спасительные» [2, с. 12].

Через посредничество священника Московского Благовещенского собора Иакова Буявинского, который «снесся с киевскими студентами», удалось пригласить в Хлынов студента класса философии Михаила Евстафьевича Финицкого (около 1705 г. – после 1787 г.). Он согласился приехать в Хлынов только тогда, когда получил согласие Л. Горки на свои условия – годовое жалованье в 72 руб. [3, с. 315]. Финицкий приехал в Хлынов в апреле 1734 г. Именно его можно с полным основанием считать первым учителем на Вятской земле, а Л. Горку – первым просветителем, первым организатором просвещения. В тот же год появился и второй учитель из студентов Киево-Могилянской духовной академии – Василий Лещинский. Третьим учителем школы стал ученый иеромонах Иоаким Богомедлевский, обучавшийся в молодости в шести европейских университетах. По навету он был осужден и свое заключение отбывал в Пермской Земле, в Чердыни, в «Чюсовских городках», откуда Л. Горка его и освободил. Проблема учительских кадров на первое время оказалась решенной. Учителя имели высокое для того времени образование, были гуманными и доброжелательными по отношению к детям наставниками. В школе были исключены физические наказания.

Особую заботу Л. Горка проявлял о приобретении книг. Он составил реестр «книг латинских», которые закупались в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Астрахани, Рязани, Великом Устюге. В школьной библиотеке имелись произведения Гомера, Данте, Цицерона, Сенеки, Горация, Овидия, Петрония, Вергилия и других классических авторов, а также лучшие для того времени учебные пособия, например, учебники Эммануэля Альвара по началам латинского языка, так называемые «Альваровы рудименты».

Обязательное открытие при школах библиотек особо оговаривалось в «Духовном регламенте». Согласно одному из его положений, пользоваться книгами преподаватели и ученики должны были в специальной «библиотечной конторе». Предусматривалась также выдача книг на дом. Вводилась регламентация работы библиотек («А ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы»). Для архиерейских школ по всем епархиям было разослано 900 букварей и 920 грамматик, которые положили начало школьным библиотекам. Л. Горка отдал в школу все книги богатейшей для того времени своей личной библиотеки. Составленная после его смерти опись его библиотеки включала 355 книг, причем две трети из них были на иностранных языках: на латинском, греческом, еврейском, польском. Третью часть составляли книги светского содержания – сочинения по истории, философии, филологии, риторике и географии, юридическая и художественная литература [7, с. 292-293].

Некоторые рукописи из библиотеки школы, впоследствии ставшей духовной семинарией, созданные преподавателями и учащимися сохранены и поныне. В одном из конволютов, некогда принадлежавшем Горке, а ныне хранящемся в Кировской областной научной библиотеке им. А. И. Герцена, имеется прижизненное издание сочинений Т. Кампанеллы. Среди сохранившихся в «Герценке» книг из школы Л. Горки есть сборник упражнений в пиитике, включающий стихи преподавателей Вятской семинарии М. А. Ушакова и Г. С. Шутова [5, с. 140-144]. В семинарской библиотеке хранились стихотворные посвящения учеников важным событиям и отдельным лицам. Оригинальные произведения содержит ученическая тетрадь Агафона Свешникова – будущего протоиерея Спасского собора, относящаяся к середине XVIII в. [9, с. 66]. Лучшая часть библиотеки семинарии, «за особливой их редкостью», была передана в 1741 г. в распоряжение Синода по его настоятельному требованию [10, с. 78]. В Хлыновской школе остались, по данным описи 1739 г., 34 книги, а по другим данным – 42, переданные Горкой еще при жизни в школьную библиотеку [9, с. 66]. Даже после смерти Горки в семинарию продолжали некоторое время приходить выписанные им «на суммы архиерейского дома» сочинения на латинском языке.

Теперь, когда задачи хозяйственного обеспечения работы школы, подбор учителей, приобретение книг были, в основном, завершены, дело стало за набором учащихся из детей «лучшего священства», многие из которых стремились в массе своей избежать учения. Духовенство считало отправку детей в школу своей самой тяжелой повинностью. Л. Горкой было сделано распоряжение о «наборе робят» в архиерейский дом для помещения их в латинскую школу. Он потребовал, чтобы все священнослужители привели к нему своих детей, начиная с семилетнего возраста «без малейшего замедления», под «опасением» самой строгой ответственности в случае утайки детей или медленного исполнения архиерейского указа.

«Духовным регламентом» и новым указом Анны Иоанновны (1731 г.) архиереям предлагалось брать в школы и детей «лучших градских детей», а «тех, которые из них в школе быть не похотят, имать в школы и неволею» [2, с. 14]. Поэтому Горка сделал распоряжение о наборе в школу детей лиц гражданского ведомства и даже военных, находившихся тогда в ведении духовной власти. Однако поначалу всего несколько священнослужителей, и то из близлежащих к Хлынову монастырей, привели своих детей учиться; «остальные всеми возможными случаями старались укрыться от школы» [11, с. 43]. Большая часть «закащиков» (благочинных), на которых было возложено исполнение приказа о наборе детей, не подумали его выполнять и «во всем явились ослушны и указу противны». Напри-

мер, из 110 священнослужительских детей Чердынского «заказа» не было направлено в школу ни одного в 1734-1735 гг. Провинциальная канцелярия также не направляла в школу детей приказных и посадских [2, с. 16].

Неприязненное отношение к проводимым реформам было намного сильнее выражено именно в глухой вятской провинции, по сравнению с центральными регионами России. «На Вятке» практически не было образованных людей, сторонников петровских реформ, да и о самих реформах люди имели самое смутное представление. Важным препятствием на пути распространения просвещения выступало то, что люди в провинции зачастую не видели ощутимой выгоды знаний. К тому же, если бы Горка заводил школу православно-славянскую, это нашло бы больше понимания у хлыновцев. Как-никак, в то время «на Вятке» были грамотные люди, которые «ведали», что «издревле бы обычай детоводцем учить дети малыя – в начале азбуце, потом часослову и псалтири, тоже писати». Поэтому по всей вероятности в случае открытия православно-славянской школы и не было бы такого сопротивления. Однако Горка «измыслил завести» именно «школу латинскую», чтобы учить в ней «неведомо каким» наукам. Во времена, когда практически все население не владело грамотой даже родного языка, учителя-«латынщики» не могли не вызывать неприязни. К тому же, изучение латыни воспринималось вятчанами как своего рода предпочтение католицизма в ущерб православия.

Не ограничиваясь призывами, Л. Горка послал в конце 1734 г. в «заказы» нарочных «розсыльщиков» и приставов духовного приказа для сыска укрывающихся от школы, приказал привозить последних в Хлынов, а в случае сопротивления «вязать их», «заковывать в колодки» и отправлять партиями в архиерейский дом «за надлежащим караулом».

В числе учащихся школы Л. Горки, помимо детей протопопских, поповских, дьяконских, причетнических, сторожевских, просфирнических, были также дети подъячих архиерейского приказа, монастырских стряпчих, сержантов, поручиков и капитанов, живших при Успенском монастыре. По отношению к ним Горка употреблял те же самые «побудительные меры», что и по отношению ко всему духовенству в целом. Он стремился к определению в школу детей и посадского сословия, составлявшего тогда почти исключительно все население Хлынова. Сначала он обычно действовал увещеваниями: приглашал к себе лиц, «более значительных между посадскими», лично беседовал с ними о пользе учения, старался привлечь и самих детей посредством обещаний и подарков. В случае же неуспеха разговора прибегал к угрозам. Подобное обращение с детьми не было в то вре-

мя чем-то чрезвычайным. Само правительство рекомендовало тогда такой способ действий. Поэтому Горка лишь выполнял указания верховной власти. Когда удавалось набрать несколько будущих школьников, «розсылщики» ехали с ними в другое место, пока не набиралось 10-15 детей, которых и привозили в Хлынов, – если только те не успевали сбежать по дороге, – и сдавали под расписку в духовный приказ.

Столь решительные и грубые меры возбудили к Горке еще больший страх и ненависть со стороны некоторых обывателей. Тем не менее, к началу 1735 г. удалось собрать до четырехсот учеников в возрасте от 7 до 25 лет. Но Л. Горка действовал не только кнутом, но и пряником. Он «побуждал духовных, в надежде лучшего священства», то есть, обещая назначения в более богатые приходы, отдавать в школу своих детей, обязывая в назначенные сроки предварительно обучить их на дому пению, чтению и письму, «под опасением лишать непослушных священства и чинов» [9, с. 30]. Однако самовольные побеге детей из школы не были редкостью. Тогда Горке снова приходилось посылать «розсылщиков».

Используя методы принуждения и поощрения, Л. Горке удалось, несмотря на сильнейшее противодействие, в 1734 г. открыть школу. По отношению к учащимся он проявлял гуманность. Однако условия содержания нельзя было признать благоприятными: дети проживали в холодных монастырских кельях, скудно питались, и поэтому нередко убегали домой. За «утеклецами» снаряжалась погоня. Дети «недостаточных» родителей, не имевшие родственников в Хлынове, помещались на готовое содержание и получали питание, одежду и книги бесплатно. Но большая часть учеников была на содержании родителей, и посещала школу только на время уроков.

Л. Горка уделял большое внимание рациональной организации работы школы, взяв при этом за образец свою «альма матер» – Киево-Могилянскую духовную академию. Это проявилось, прежде всего, в выборе предметов для обучения и особенностях построения учебного процесса. После того как в первый учебный год «профессор» Финицкий обучил учащихся «верхней школы» «Алваровым рудиментам», а «инспектор нижней школы» Лещинской с начинающими учениками одолел основы славянской грамоты, Горка уже со второго года работы школы выделил шесть классов, получивших названия по основному учебному предмету (фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика).

Разумеется, различие между этими двумя учебными заведениями, одно из которых было школой в предуральском захолустье, а другое – учреждением российского масштаба, далеко не ограничивалось лишь отсутствием в вятской школе, в сравнении с Киевской академи-

ей, двух старших классов (философии и богословия), однако само стремление Горки ориентироваться на лучшие образцы при устройстве учебного заведения, способствовало укреплению авторитета его школы, повышению качества обучения в ней и, несомненно, было одной из важнейших сторон его просветительской деятельности. Обладая жестким характером, Л. Горка проводил, подобно Петру I, «варварскими методами борьбу против варварства», чем вызывал недовольство среди местного духовенства. Однако его деятельность, конечно, носила прогрессивный характер, за что он и получил впоследствии в народе почетное звание «просветителя Земли Вятской». Заложенный Л. Горкой интерес к чтению среди вятчан выразился, например, в том, что спустя несколько лет после его смерти и восстановления пришедшей было в упадок школы, за границей было выписано для семинарии книг «избранных церковных и лучших классических писателей» на 1500 рублей.

Система образования и воспитания в школе Л. Горки закладывала в учениках понимание литературных ценностей, формировала вкус к творческим опытам. Учащимися переписывались и переводились с других языков отдельные учебные пособия, создавались даже оригинальные произведения, чему в значительной степени способствовали поддерживавшиеся в этом учебном заведении на протяжении всего периода его существования традиции стихотворчества и «лицедейства».

Стремясь доставить детям «приличные развлечения», Л. Горка позволял им в определенные дни и часы развлекаться играми, как в самом архиерейском доме, так и во время прогулок за городом. В зимнее время, особенно перед праздниками, в школе разыгрывались духовные мистерии.

Ученики школы участвовали в торжественных церковных процессиях. Воспитанники «разыгрывали действия»; в репертуар входила и трагикомедия самого Л. Горки – «Иосиф». Традиции «школьной драмы» (то есть драматизации) были продолжены и после его смерти в стенах Вятской духовной семинарии – преемницы школы Лаврентия Горки, преподавателями З. О. Лятушевичем и С. С. Леонтьевым в так называемых «разговорах» – своеобразных театрализованных диалогах о добре и зле, причем это имело место уже во второй половине XVIII в., в эпоху Просвещения [12, с. 30]

Основатель Хлыновской славяно-латинской школы епископ Л. Горка и его соратники, и последователи были, как показывает анализ их деятельности на Вятской земле, несомненно, образованными и талантливыми людьми, стремившимися служить народу на ниве просвещения. Первый «фундатор» школы, по всей вероятности, был ознакомлен с достижениями педагогической практики европейских

стран, в частности с классно-урочной системой, которая, как известно, получив известность в трудах Я. А. Коменского, вела, тем не менее, свое начало от братских школ Украины, то есть именно там, где прошла значительная часть жизни Горки.

Основным учебником во всех четырех классах был учебник Эмануэля Альвара, перешедший в Киев из Западной Европы еще в XVII в. В России он неоднократно переиздавался, несмотря на то, что, по мнению историка П. Пекарского, «из всех учебников латинского языка грамматика Альвара была, может быть, самым темнейшим, так, что была непонятна не только для начинающих изучать латынь, но даже и для тех, кто знал ее порядочно» [13, с. 242]. Неудивительно, что в низших классах хлыновской школы многие «малые» были признаны «тупыми и непонятными» и учились по шесть-восемь лет.

Венцом наук в Хлыновской славяно-латинской школе была риторика. И здесь учителя нередко занимались по ими же самими составленным пособиям. Известны учебники вятских учителей Андрея Свирепова «*Regulae Rethorics*» («Правильная риторика») и М. Е. Финицкого «*Regia Tullinae eloquentiae, Wiatcensi benevolae juventuto, per professorem Michaellem Finicky, procurantem feliciter construeta*» («Чертюги Туллиевой элоквиенции, написанные для вятских школьников профессором Михаилом Финицким»).

Пособия обычно включали «разсуждения» («трактации») о сущности и цели «реторики», о том, как следует «изобретать» мысль, об «орнаментах» риторической речи – тропах и фигурах. В разделе «*De arta oratoria in particulari*» излагались наставления по сочинению писем и речей поздравительных, приветственных, благодарственных, просительных, прощальных, надгробных и т. п. Здесь можно найти подробные рецепты относительно того, в каких выражениях ученик должен обращаться с родителями при выходе из дома и при возвращении домой, например, из школы; какими «тропами» и «фигурами» должен просить у старших денег, как поздравлять с Новым годом, днем рождения, христианским праздником. Здесь же даются советы о произношении и «красноречии священном», то есть правила о том, как составлять и произносить «реторические предики», – проповеди. Умение составлять предики очень ценил Л. Горка. Он был первым проповедником в Хлынове, который сам составлял устные проповеди. Даже самая простая проповедь считалась в то время слабой и «не изящной», если в ней не было «мифологических применений». Не всегда простым, неграмотным жителям Хлынова, приходившим в храмы, были понятны «предики» первых проповедников. Но это был первый опыт живой устной речи, свободного обращения к большой массе народа.

Вслед за наставлениями в умении составления и «апробации» живой проповеди упражнялись и учащиеся. Финицкий отмечает:

«В школах мною основанных, некоторые из студентов в толикую моими трудами произошли науку, что во всю покойного преосвященного Вениамина бытность поучения в церквах сказывали, також уже и в бытность вашего преосвященства, какового суть оныя учения, в самоперсональном проповедения их слушании ваше преосвященство апробовать их изволил» [6, с. 97].

Риторикой заключался весь круг наук, которым обучали в Хлыновской славяно-латинской школе. Правда, Финицкий в своей просьбе об увольнении от учительской должности отмечал, что он «латинского диалекта школы от самых Альваровых рудиментов (т. е. основ – В. П.) произвел своими трудами до риторики и диалектики». И хотя в учебнике Финицкого «Чертоги Туллиевой элоквенции...» изложение «диалектики» отсутствует, можно предположить, что требования жизни побуждали его в рамках риторического класса изучать и вопросы, относящиеся к предмету изучения в высших классах, то есть к диалектике и богословию, хотя официально в школе они не изучались.

Класс риторики был открыт в 1738 г. Некоторые школьники оставались в нем по несколько лет и, «выслушав», таким образом, полный курс школы, жаловались, что «за непроизведением в школе высших наук» (то есть ввиду отсутствия классов философии и богословия – В. П.) быть им в реторике вельми стало скучно, и в оной школе они все содержатся, и токмо лета теряют напрасно» [5, с. 199]. Учителя риторики и поэтики были главными учителями в школе; они руководили и школой, были «экзаминаторами» в низших классах. Еженедельно посещали они каждый класс и вели наблюдение за работой всех учителей.

Соратник и последователь Л. Горки М. Е. Финицкий, фактически возглавивший школу после смерти епископа, проявил себя и как видный поэт своего времени. Художественный уровень его «градуляций» свидетельствует о несомненном таланте автора. Например, Л. Горке он посвятил проникновенные строки: «По умершем Лаврентии предобром пастыре. Полно все слез в сем Вятском мире...».

10 апреля 1737 г. был праздник Святой Пасхи. По окончании обедни власти Хлынова поспешили в архиерейский дом принести поздравления преосвященному Владыке. Но у дверей дома они были остановлены двумя слугами епископа – калмыками Титом и Романом, обращенными в христианство в бытность служения Горки в Астрахани и последовавшими за ним в Хлынов. Они объявили, что «Владыка почивает» и не следует его беспокоить. Вечером того же дня, по окончании радостного пасхального звона во всех храмах города, печальные звуки соборного колокола известили горожан о том, что их архипастырь «почил тем непробудным сном, от которого возбудит его только труба архангела» [10, с. 31].

Несколько человек, в их числе духовник Владыки архимандрит Лаврентий Полторацкий, Финицкий и Лещинский, а также два келейника были свидетелями кончины Л. Горки, последовавшей в седьмом часу вечера. Первый вятский просветитель был похоронен в кафедральном соборе, на северной стороне, в холодном храме. В надписи на гробнице, устроенной в 1772 г., он назывался «ревностным по Бозе иерархом, бодрым словесных овец пастырем, мудрости и благочестия любителем, крайним невежества и суеверия ненавистником». Здесь же спустя столетие были выбиты вдохновенные строки – дань памяти первому вятскому просветителю:

«Всеобщий смертный рок в сём месте мужа скрыл,
Который первый здесь науки насадил, -
Хотя Всевышняя Власть, что целым светом правит,
Ему и не дала, конечно, их возставить.
Лаврентий Горка сё! А кто он был таков?
Епископ вятский, муз любитель, богослов».

Большинство хлыновского духовенства полагало, что школа – затея «поляка-архиерея» со смертью «затейщика» «покончится». И действительно, первые два месяца после смерти Горки были временем ее полной дезорганизации. Однако уже в середине июня 1737 г. был получен указ Святейшего Синода с требованием «содержать школы как было при жизни преосвященного Лаврентия во всем неотменно» [14, с. 81].

Славяно-латинская школа Л. Горки, вскоре после его смерти пришедшая в упадок, сравнительно быстро была восстановлена и на многие десятилетия стала одним из виднейших центров просвещения не только в Вятском крае, но и на территории всей Северо-Восточной России.

Подвижническая жизнь Горки стала предметом специального изучения со стороны вятских историков, начиная со второй половины XIX в. [15]. Н. С. Лесков в своем сатирическом произведении «Святительские тени» дал описание деятельности вятских епископов XVIII в. Будучи в этом вопросе человеком совершенно беспристрастным, он уничтожающими эпитетами («бонвиваны», «бражники», «скопидомы», «невежи» и т. п.) охарактеризовал некоторых вятских «архипастырей», но именно Горку признал достойным своего сана [8, с. 53-69].

В исключительно яркой и самобытной личности Л. Горки с особенной силой привлекают его несгибаемая воля и настойчивость, огромная эрудиция и значительный литературный талант, стремление даже ценой собственной жизни развеять вековую тьму невеже-

ства, помочь народу в преодолении извечного российского отставания в области просвещения. До настоящего времени для вятского учительства он выступает своего рода нравственным ориентиром. Его имя стало символом просветительства, беззаветного служения просвещению народа. Несмотря на свое непродолжительное пребывание «на Вятке», Лаврентий Горка оставил по себе добрую, прошедшую сквозь века память.

Список литературы

1. Верещагин, А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии. Эпизод V. Архиерейство на Вятке // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1902 г. – Вятка, 1901. – С. 50-102.
2. Верещагин, А. С. История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости (ВЕВ). – 1868. – № 1. – С. 4-19.
3. Верещагин, А. С. Ученый южнорусс на Вятке в XVIII в. // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1895 г. Отдел IV. – Вятка, 1894. – С. 302-321.
4. Вятский архиерейский дом и архиерейские вотчины 1827 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Выпуск 1-2. – Отдел 3. – Вятка, 1916.
5. Верещагин, А. С. История Вятской духовной семинарии // ВЕВ. – 1868. – № 12. – С. 197-204.
6. Два прошения М. Е. Финицкого преосвященному Варлааму Скамницкому. 1743 и 1745 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Выпуск 3. – Отдел 3. – Вятка, 1905. – С. 95-97.
7. Луппов, С. П. Книга в России в послепетровское время. – Л., 1976. – 420 с.
8. Лесков, Н. С. Святительские тени // Исторический вестник. – 1881. – № 5. – С. 53-69.
9. Никитников, Г. А. Иерархия Вятской епархии. – Вятка, 1863. – 214 с.
10. Помелов, В. Б. Просветительство русской православной церкви в российской провинции (на примере Вятского края) // Монография. – Саарбрюккен, 2013. – 348 с.
11. Помелов, В. Б. Вятский просветитель Лаврентий Горка // Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 75-83.
12. Помелов, В. Б. Религии народов Вятского края: учебное пособие // отв. ред. А. Г. Поляков. – Киров, 2009. – 310 с.
13. Поздеев, В. А. Лаврентий Горка / Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. – Т. 2. Литература. – Киров, 1995. – С. 29-30.
14. Пекарский, П. История науки и литературы в России при императоре Петре Великом: в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1862. – 420 с.

15. Помелов, В. Б. Насилие гуманизм в деятельности первого вятского просветителя Лаврентия Горки // Традиции и новации в педагогике ненасилия: материалы всероссийской научной конференции / под ред. В. С. Данюшенкова и В. А. Ситарова. – Киров, 1996. – С. 79-81.

16. Помелов, В. Б. История Вятского образования: XIV-XXI вв. // Монография. – Киров, 2013. – 1200 с.

С. А. Трушков

Специфика деятельности мировых посредников
в Вятской губернии (1861-1874 гг.)

S. A. Trushkov

A Specific Character of the Conciliators' Activity
in the Vyatka County (1861-1874)

В статье дается историческая справка о назначении и эффективности работы мировых посредников в Вятской губернии. Установлено, что институт мировых посредников являлся важным элементом государственного механизма.

Ключевые слова: волостные правления, мировые посредники, Вятская губерния, исправники.

The author gives a historical review about the assignment and work efficiency of conciliators in the Vyatka county. It is stated that an institute of the conciliators is an important element of the state mechanism.

Key words: district governments, conciliators, Vyatka county, district police officers.

В течение 1861-1866 гг. (законодательными актами от 19 февраля 1861 г., 26 июня 1863 г. и 18 января 1866 г.) в Российской империи было установлено единообразное управление крестьянами всех категорий. Помещики, удельные конторы, палаты государственных имуществ (преобразованные в управления государственными имуществами) потеряли административно-полицейские полномочия по отношению к соответствующим категориям крестьян.

Новая система управления крестьянами включала в себя несколько уровней. Низшие уровни – сельский и волостной – были представлены органами крестьянского самоуправления – сельскими и волостными сходами, избиравшими сельских старост, сборщиков

податей, волостных старшин, заседателей волостных судов и других должностных лиц. У каждой волости имелся свой бюджет, создававшийся за счет особого налога – мирского сбора.

В результате, волостные правления имели возможность решать ряд частных вопросов местного благоустройства. Однако главной задачей сельских и волостных органов самоуправления являлось обеспечение беспрекословного исполнения крестьянами государственных законов и бесперебойного поступления налогов.

Сословно-крестьянские органы самоуправления были поставлены под контроль сословно-дворянских должностных лиц (мировых посредников) и учреждений (мировых съездов). Согласно «Положению» от 19 февраля 1861 г. мировыми посредниками могли быть только местные потомственные дворяне, владевшие как минимум 150 десятинами земли. Списки кандидатов на эти должности составлялись уездными дворянскими собраниями, утверждались губернаторами и направлялись в Сенат, который выносил окончательное решение. Срок полномочий мировых посредников составлял три года, после чего следовало проводить новые выборы [9].

Однако в тех регионах, где не производилось выборов дворянских корпоративных органов, указанный порядок избрания мировых посредников не действовал. К числу таких регионов относилась и Вятская губерния. Здесь списки кандидатов на должности мировых посредников составлялись непосредственно губернатором и утверждались Сенатом. Причем в отношении Вятской губернии нами не обнаружено ни одного случая не утверждения Сенатом предложенных губернатором кандидатур.

Не удалось в Вятской губернии реализовать и требование закона о назначении на должности мировых посредников только местных потомственных дворян – помещиков. Даже в 1861 г., когда в губернии насчитывалось лишь шести мировых участков, не все посредники являлись местными помещиками. Например, занимавшие эти должности в Яранском, Елабужском и Сарапульском уездах братья М. Я. и В. Я. Чайковские были помещиками Черниговской губернии [1].

Начиная с 1863 г. на должности мировых посредников назначались исключительно местные чиновники, зачастую не только не имевшие земельной собственности, но даже не являвшиеся потомственными дворянами. Более того, известен случай назначения на данную должность представителя податного сословия: в 1871 г. мировым посредником четвертого участка Слободского уезда стал мещанин М. И. Куроптев [2].

Таким образом, должности мировых посредников в Вятской губернии носили не сословно-дворянский, а чисто бюрократический характер.

В ведении каждого мирового посредника находились несколько крестьянских волостей, все посредники уезда составляли мировой съезд. Впрочем, в Вятской губернии число мировых съездов сравнялось с количеством уездов лишь в 1866 г., когда компетенция мировых по крестьянским делам учреждений распространилось и на государственных крестьян. В 1861 г. в губернии было создано лишь шесть мировых участков (меньшее количество, пять, существовало только в Олонецкой губернии) [12].

По «Положению» от 26 июня 1863 г. в ведение мировых по крестьянским делам учреждений передавались удельные крестьяне и упразднялось существовавшее до того времени в удельных конторах «сосредоточение административного и судебно-полицейского управления означенными крестьянами» [7]. Соответственно и число мировых участков в Вятской губернии увеличилось до двенадцати.

С изменением в 1866 г. правового положения государственных крестьян, в мировых учреждениях сосредоточилось управление всеми категориями крестьянства. Вследствие этого, с 1866 г. в Вятской губернии насчитывалось 48 мировых участков [3]. С 1 января 1867 г. были ликвидированы окружные управления государственных имуществ, а палата государственных имуществ преобразована в управление, сфера компетенции которого заключалась лишь в заведовании казенными земельными владениями, прежде всего лесами [8].

В компетенцию мировых посредников входили не только проверка, утверждение и введение в действие уставных грамот и владенных записей, удостоверение выкупных актов, но и ряд административно-полицейских обязанностей, выполнявшихся ранее чиновниками удельных контор, палаты и окружных управлений государственных имуществ. Они должны были утверждать результаты выборов должностных лиц крестьянского самоуправления, проводить ревизии волостных правлений, разбирать жалобы крестьян на действия избранных ими руководителей.

При этом «виновных должностных лиц сельского и волостного управления за маловажные проступки по должности» мировые посредники имели право подвергнуть «денежному штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней», а в случае совершения ими должностных преступлений – временно отстранять от должностей и направлять губернатору предложения о привлечении их к судебной ответственности [10].

До создания мировых судов (в Вятской губернии это произошло в 1869 г.) мировые посредники обладали и судебными полномочиями. Они разбирали дела о мелких проступках и о причинении имущественного ущерба на сумму не более 30 рублей, и имели право приго-

ворить виновных «лиц податного состояния» к уплате штрафа до пяти рублей, общественным работам до шести дней, аресту до семи дней или наказанию розгами до 20 ударов.

Мировые съезды рассматривали жалобы на решения волостных сходов, волостных судов и мировых посредников, на действия волостных должностных лиц, разбирали встретившиеся мировым посредникам затруднения при рассмотрении уставных грамот и владенных записей, имущественных и поземельных споров крестьян. Деятельность мировых посредников и мировых съездов была поставлена под контроль губернского по крестьянским делам присутствия. В Вятской губернии это учреждение начало функционировать с 12 марта 1861 г. [4].

Если в большинстве регионов европейской России губернские по крестьянским делам присутствия состояли как из государственных чиновников, так и из делегатов от местных помещиков, то в Вятской губернии это учреждение действовало без участия последних. В состав присутствия входили губернатор (в качестве председателя), губернский прокурор, управляющий палатой государственных имуществ и два непеременных члена, назначенные министром внутренних дел «с высочайшего соизволения». Все вопросы в этом учреждении решались большинством голосов.

Губернское по крестьянским делам присутствие рассматривало жалобы на действия мировых посредников и мировых съездов, разбирало опротестованные заинтересованными лицами решения мировых съездов по поземельным и имущественным спорам крестьян, принимало решения по прошениям крестьян о причислении их к другим сословиям и переселении в другие места жительства, наблюдало за взысканием с крестьян выкупных платежей, окладных сборов и недоимок по ним, рассматривало ходатайства сельских обществ о снижении повинностей и списании недоимок.

В Вятской губернии, где 90% крестьян были государственными, губернское по крестьянским делам присутствие фактически являлось преемником палаты государственных имуществ, однако объем делопроизводства этих учреждений был несопоставим. Если в 1861 г. в вятской палате государственных имуществ производилось 23 327 дел, то в 1869 г. вятском губернском по крестьянским делам присутствии – 1024, т. е. в 22,8 раз меньше [11].

Данный факт наглядно свидетельствует о серьезном ослаблении государственной опеки над крестьянством. Если палата государственных имуществ должна была давать заключения почти по всем вопросам жизнедеятельности крестьян, то губернское по крестьянским делам присутствие являлось, прежде всего, контрольной и ревизионной инстанцией.

Правовое положение мировых посредников в Вятской губернии было двойственным. С одной стороны, их назначение на эти должности фактически полностью зависело от губернатора. Но, с другой стороны, назначив мировых посредников, губернатор уже не мог вмешиваться в их деятельность. Сместить мирового посредника либо подвергнуть его дисциплинарному взысканию мог лишь Сенат, причем для этого требовалось ходатайство губернского по крестьянским делам присутствия. Условием для смещения посредника могло быть лишь совершение им должностных проступков или преступлений.

Вятские губернаторы относились к такому автономному по отношению к ним положению мировых посредников резко отрицательно. Поводом для этого чаще всего служили неэффективная, по мнению губернаторов, деятельность посредников по сбору податей и конфликты последних с полицейскими чиновниками. Н. В. Компанейщиков в 1866 г. просил министра внутренних дел П. А. Валуева «о принятии каких-либо мер к воздержанию посредников от произвола и неуловимых противодействий общей системе управления, приносящих в совокупности громадный вред» [13].

Непрерывный член вятского губернского по крестьянским делам присутствия Ф. Н. Домелунксен в частном письме, датированном 8 августа 1866 г., так охарактеризовал последствия несогласованности действий мировых посредников и полиции: «Путаница происходит страшная. Распутывать и возиться с нелепыми представлениями и действиями жалких посредников приходится мне» [5].

Наиболее распространенным видом конфликтов был отказ посредников выполнить просьбы исправников о применении мер административного воздействия в отношении волостных должностных лиц. Служебные противоречия между мировыми посредниками и полицейскими чиновниками нередко перерастали в личную вражду.

Так, в марте 1871 г. уржумский исправник П. И. Волкович писал губернатору В. И. Чарыкову о мировом посреднике Магничком: «Те едкие ругательства, которыми он так изобильно осыпает бывшего малмыжского исправника Подерни, вероятно, в своем кругу падают теперь и на мою долю. Может быть, у него есть программа ненавидеть всех исправников» [6].

В целом, с точки зрения государственных интересов, мировые посредники выполняли полезные функции. Следует признать, что установление жесткого контроля за деятельностью органов крестьянского самоуправления являлось важнейшей государственной задачей. Как известно, сельские общества и волостные правления были встроены в государственный механизм в качестве промежуточной инстанции между основной массой населения и правительственными учреждениями. Вполне очевидно, что эффективность

функционирования государственного аппарата во многом зависела от того, в какой степени органы крестьянского самоуправления были готовы выполнять государственные задачи.

Материалы Вятской губернии дают основание утверждать, что сельские и волостные выборные крестьянские власти в большинстве случаев выполняли свои функции неудовлетворительно. Признание этого факта было общим местом в большинстве всеподданнейших отчетов губернаторов второй половины XIX в. и материалов к ним, подготовленных исправниками и губернским по крестьянским делам присутствием.

Данное явление объяснялось рядом причин. Во-первых, серьезным различием интересов дворянского по своей классовой сути государства и традиционного общества в лице крестьянских общин. Крестьяне должны были, согласно пореформенному законодательству, избирать из своей среды лиц, обязанных выполнять задачи, противоречившие их сословным интересам (например, обеспечивать своевременное и полное поступление налогов в казну, независимо от того, каков был урожай в данном году). Во-вторых, нежеланием большинства грамотных и способных к управленческой деятельности крестьян избираться на руководящие должности в сельских обществах и волостях, поскольку исполнение данных обязанностей оплачивалось крайне скудно либо вообще не оплачивалось и отрывало от земледельческого труда, что грозило запустением хозяйства и обнищанием.

Выборные крестьянские руководители целиком зависели от общин, и по окончании срока своих полномочий наиболее требовательные и принципиальные из них зачастую подвергались всяческому притеснению. Весьма распространенной формой мести, бывшим старшинам и старостам, были приговоры сходов о раскладке на их дворы разорительных сумм окладных сборов. Поэтому неудивительно, что сельские и волостные должностные лица к выполнению своих обязанностей относились, как правило, равнодушно.

В этих условиях институт мировых посредников являлся важным элементом государственного механизма, без эффективной работы которого реализация значительного числа функций государства становилась бы весьма проблематичной.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). – Ф. 582. – Оп. 28. – Д. 56. – Л. 70.
2. ГАКО. – Ф. 576. – Оп. 19. – Д. 10. – Л. 125.
3. ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 28. – Д. 38. – Л. 158.

4. ГАКО. – Ф. 576. – Оп. 11 «а». – Д. 4. – Л. 90.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 109. III отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Секретный архив. – Оп. 3. – Д. 2086. – Л. 1 об.
6. ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 130. – Д. 115. – Л. 16 об.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XXXVIII. – № 39792.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XLI. – № 44024.
9. Российское законодательство X-XX вв. – Т. 7. – М., 1989. – С. 184.
10. Российское законодательство X-XX вв. – Т. 7. – С. 189.
11. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1281. – Оп. 6 (1862 г.). – Д. 30. – Л. 58; ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 140. – Д. 194. – Л. 125 об.
12. Чернуха, В. Г. Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). – Л., 1967. – С. 205.
13. Чернуха, В. Г. Правительственная политика. – С. 223.

Ю. Н. Тимкин

Политическая модернизация России
и становление местного самоуправления
(по материалам Вятской губернии 1917-1921 гг.)

Y. N. Timkin

Russia Political Modernization
and Local Self-regulation Formation
(Vyatka Province 1917-1921)

В статье дается историческая справка о становлении местного самоуправления в России и Вятской губернии.

Ключевые слова: политическая модернизация, Вятская губерния, сельские и волостные Советы, местное самоуправление.

The article gives a historical review of the local self-regulation in Russia and Vyatka Province.

Key words: political modernization, Vyatka Province, village and district board.

Местное самоуправление в России имеет многовековую и самобытную историю, интерес к которой ныне все более возрастает. На первый взгляд это обусловлено проводимой государством модернизацией социально-экономической и политической жизни страны. Между тем попытки модернизации предпринимались и прежде: во второй половине XIX в. и в первой половине XX в. Как земская реформа Александра II, так строительство Советов в первые советские годы занимали важное место в системе проводимых модернизационных преобразований. В итоге земское самоуправление, динамично развивавшееся во второй половине XIX – начале XX вв., не стало залогом принципиальных изменений в российском социуме и полити-

ческой жизни. Поставленное в жесткие полицейские рамки, не получавшее из казны финансовой поддержки, оно стало рассадником оппозиционных и революционных настроений. В катастрофических событиях революции 1917 г. и гражданской войны земство погибло.

Судьба советского самоуправления также незавидна: Советы из органов рабочего самоуправления превратились в органы государственной власти, а затем стали ширмой для всевластия партийных комитетов.

Проанализируем этот процесс по материалам Вятской губернии. Первый губернский съезд Советов, состоявшийся в январе 1918 г., дал импульс советскому строительству в губернии: делегаты энергично взялись за пропаганду решений съезда, эмиссары съезда помогали им в организационной работе.

Советское строительство в уездах проходило в условиях напряженной общественно-политической борьбы, острой нехватки квалифицированных управленцев, отсутствия опыта практической работы. В деятельности волостных Советов была еще и другая проблема: крестьяне смотрели на свое избрание как на повинность. Для них, живущих в условиях общинного самоуправления, Советы являлись чуждыми структурами, привнесенными извне.

В течение первой половины 1918 г. губерния покрылась сетью Советов.

Организация сельских и волостных Советов происходила не равномерно. В Воткинском районе Сарапульского уезда Советы удалось создать в 13-14 волостях из 16 лишь в начале мая. Обусловлено это было, прежде всего, тем, что в местном уездном исполкоме «мало деятелей (активных членов), и работа идет непродуктивно» [1; с. 306, 311].

В Глазовском, Вятском, Котельничском и некоторых других уездах создавались деревенские комитеты, в состав которых входили как депутаты волостных Советов, так и выборные граждане [2].

По Конституции 1918 г. местная власть находилась в руках съездов Советов, а период между съездами – исполкомов. Надо сразу отметить, что Конституция предоставила съездам и исполкомам большие полномочия. Так, на съездах Советов подлежали разрешению все вопросы, имеющие чисто местное значение; проводились в жизнь все декреты и постановления вышестоящих советских органов; осуществлялось руководство всей деятельностью Советов на данной территории; принимались и проводились меры по хозяйственному и культурному подъему. Делегаты съездов, большинство из которых не имело опыта управленческой деятельности, не могли принимать квалифицированные решения и обеспечить управление на данной территории.

В этих условиях огромную роль стали играть исполкомы Советов как исполнительно-распорядительные органы. По Конституции 1918 г. численный состав губернских исполкомов ограничивался 25 чел., уисполкомов – 20, волисполкомов – 10. Члены исполкомов избирали президиум в составе председателя, его заместителей, секретарей и 1-2 членов. Исполкомы работали пленарно. В период между пленумами все вопросы решались на заседании президиума. Отделы исполкомов, создаваемые по отраслевому принципу, находились в двойном подчинении: подчинялись Совету данной территории и одновременно соответствующему наркомату в центре.

Летом 1918 г. ввиду отсутствия квалифицированных кадров в Вятке советская работа в губернии шла без какого-либо руководства. В сентябре 1918 г., благодаря приезду активных советских и партийных работников, деятельность советского аппарата «стала налаживаться»: реорганизован отдел управления губернией и созданы подотделы: общий, информационно-инструкторский, управление советской милиции; организуется сбор информационного материала и связь с уездами и волостями; проведен съезд представителей уездных Советов, где обсуждался вопрос об организации уездного административного аппарата [3; д. 165б, л. 4].

Немалую роль в упорядочении советского аппарата сыграл представитель ЦК партии Я. И. Ровинский, выполнявший «ответственные поручения партии и военных организаций» [4]. Суть своей деятельности он красноречиво выразил так: «сколачивание партийного и советского аппарата». В реальности это означало только одно: разгонялись советские органы, которые на взгляд Ровинского, «засорены» либо политическими противниками большевиков и преступными элементами, либо были просто бездеятельны. В новые советские органы включались люди политически лояльные власти, не замешанные в преступлениях, деятельные исполнители. После таких чисток Советы все больше теряли связь с местным населением.

В декабре 1918 г., когда состоялся губернский съезд заведующих отделами управления уездных Советов, было решено выработать структуру и задачи отделов. В частности, в каждом волисполкоме создавались три отдела: президиум и общего управления, военный, земельный; численность выборных членов – от трех до пяти. Участники съезда неодобрительно высказались по поводу создания сельских Советов, как непредусмотренных Конституцией 1918 г.

12 февраля 1919 г. губисполком заслушал доклад представителя отдела по управлению губернией Целищева, который нарисовал довольно безрадостную картину: «... ввиду отсутствия квалифицированных работников, а также частной перемены ответственных работников деятельность отдела протекала в ненормальных условиях,

основной объем работ производился подотделом политического воспитания». Партийный комитет «не посылал достойных политических работников, которые бы на местах давали массе правильные, понятные объяснения всех вопросов и нужные указания». На «точке заморозки стоит работа и информационного подотдела, где специалистов вообще нет». Подобная ситуация сложилась и в уездах [3; д. 56, л. 35 об].

Представитель ЦК партии А. Стругацкий, прибывший в Вятку в июне 1918 г. вместе с Я. Урановским и О. Алексакисом для организации партийно-советской работы, так описал ситуацию в уездах: «... в Советы (крестьянских депутатов) попали все люди никудышные. Привыкли крестьяне всякую работу понимать как тягло и послали в Советы крикунов, горланов разных, да и «штатских». Посиди, пороботай на нас! – говорили они» [5].

В начале своей деятельности практически все Советы столкнулись с финансовыми трудностями. Так, в марте 1918 г. исполком Советов Глазовского уезда, «остро ощущая недостаток средств», был вынужден прибегнуть к чрезвычайной мере: «обложению местного торгово-промышленного класса в сумме 300 тыс. руб.». Деньги поступили «сравнительно быстро» и были израсходованы на выплату жалования учителям, медицинскому персоналу, на покупку медикаментов и т. п. [1; с. 257]. Аналогичные решения приняли Слободской, Котельничский, Нолинский исполкомы [6].

Летом 1918 г. основные отраслевые отделы создаются практически во всех уисполкомах.

Архивные материалы рисуют яркую картину советского строительства в уездах и волостях.

На V съезде Советов Яранского уезда в начале сентября 1918 г. констатировалось: «Власть Советов крепнет. В уездном центре работа Совдепа кипит... Финансовое положение многих волисполкомов – критическое...» [7].

Докладывая IV съезду Советов Орловского уезда (октябрь 1918 г.), председатель уисполкома А. С. Целищев сообщал: «Наследство от земства досталось плохое – денег ни копейки и хлеба, ни куска... Никакие налоги не поступали, денег не было, а их просили со всех сторон... Суд хотя и был в каждой волости, но судьи были безграмотные». В финансовом отношении «теперь комитет не имеет никакой нужды, все расходы удовлетворяются, есть несколько десятков тысяч рублей на текущем счету в народном банке...» [8; с. 11, 12]. Представители волостных Советов в большинстве своем констатировали успехи в советском строительстве, хотя отмечали и ошибки, неудачи. Делегат Коршикской волости Кротов отметил, что «декреты и распоряжения вышестоящих органов проводятся слабо, всей волостью ру-

ководит секретарь волисполкома Мухачев. Хотя это и нежелательно, но нет других знающих дело людей...» [8; с. 20]. Делегат Колковской волости А. П. Фоминых весьма высоко оценил работу местного волостного исполкома: «Все отделы организованы и работают хорошо. Налогов с кулаков собрано 180 тыс. руб.» [8; с. 21]. Такая же картина и по Камешницкой, Коврижской, Кожинской, Левинской, Монастырской, Подрельской волостям [8; с. 20-24].

В Слободском советское строительство весной 1918 г., по словам председателя уисполкома, «топталось на месте, и это топтание продолжалось без конца» [9; с. 217]. Докладывая делегатам III уездного съезда Советов 16 июня 1918 г. председатель уисполкома А. Запольских сокрушался: «Товарищи, ведь вы знаете, как мало среди советских работников людей образованных... Образование у всех нас топорное... Много и много нам пришлось положить труда для того, чтобы не дать замереть жизни в уезде. На каждом шагу нам приходилось сталкиваться с препятствиями; самым главным нашим врагом был финансовый кризис и голод».

К ноябрю 1918 г. в деятельности Слободского уисполкома произошли некоторые положительные изменения: организованы отделы и началась их деятельность, руководящую роль играет большевистская фракция. Вместе с тем, делегаты уездной конференции РКП (б) (ноябрь 1918 г.) обратили внимание на слабость работы земельного, продовольственного и финансового отделов уисполкома. Волостные исполкомы «работают плохо, т. к. их члены не всегда соответствуют духу времени» [10; с. 13].

В конце августа 1918 г. председатель Котельничского уисполкома Г. И. Аммосов, отчитываясь о своей работе на общем собрании членов РКП (б) Котельнича, был вынужден признать, что «... волисполкомы бездействуют, в жизнь не проводят никаких декретов Советской власти». Он предложил заменить всех председателей волисполкомов партийными товарищами. Идея была поддержана, но, ввиду дефицита кадров, реализовать ее в тот момент было практически невозможно. Более реальной была организация карательного отряда для «водворения порядка в волостях», о создании которого объявил председатель собрания Кузякин [11].

Работа Советов Котельнича и уезда летом 1918 г. «тормозилась вследствие неисполнения населением постановлений, а так же ввиду плохого вознаграждения (50-100 руб. в месяц), так что члены исполкомов часто уходят со своих постов из-за невозможности продолжения службы» [7; д. 1656, л. 17]. Уездный исполком «мало внимания обращает на личный состав и работу сельских и волостных Советов».

Уже летом-осенью 1918 г. партийные комитеты принимали меры по установлению контроля за деятельностью исполкомов Сове-

тов. 2 октября 1918 г. общее собрание членов и сочувствующих РКП Советского района предписало всем советским учреждениям «срочно представить в партийный комитет списки лиц, стоящих на ответственных постах с обозначением политических взглядов каждого» [12].

На конференции нолинских большевиков, проходившей 17-23 января 1919 г., была поставлена задача «создать разветвленный партийный аппарат, благодаря которому будет направляться работа волостных исполкомов» [13]. В настоящее время «главным тормозом является недостаток работников, поэтому каждый деятельный работник занимает несколько ответственных постов. Следствием такого положения стало то, что мы не замечаем ошибок в своей работе».

В принятой в марте 1919 г. новой программе РКП (б) местным парторганизациям предписывалось «выдвигать на все советские посты своих наиболее стойких и преданных членов», и в итоге «завоевать безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль за их работой» [14; с. 108].

Очень часто партийные ячейки занимались чисто административной деятельностью, что явно противоречило партийной программе. В Нолинском уезде в 1920 г. «волячейки вмешивались в административную работу, брали на себя обязанности волисполкомов, что создавало на местах как бы двоевластие». Таким вмешательством, говорится в циркуляре укома партии, «создается благоприятная почва для ведения контрреволюционной работы».

Инструктор отдела по работе в деревне губкома партии, обследовавший партийную работу на юге губернии, докладывал 1 февраля 1920 г.: «... волячейки превратились в советские органы... Среди местного населения с каждым днем укрепляется мнение, что административной властью является партиячейка. Сплошь и рядом слышатся возгласы: для чего же существует волисполком?» [13; д. 46, л. 135].

Во время борьбы с Колчаком неоднократно происходила чистка советских органов.

Руководитель Нолинского укома партии Зыков, отчитываясь перед делегатами уездной конференции РКП (б) (май 1919 г.), поставил важную задачу – борьбу с саботажем в советских учреждениях. К сожалению, констатировал он, «саботажников заменить нечем, так как управленцев у нас слишком мало». Но «мы, по возможности, в каждое учреждение назначаем коммуниста» [13; д. 27, л. 1].

Таким образом, к осени 1918 г. были сделаны первые шаги в советском строительстве: губерния покрылась сетью Советов, усложнялась их структура, проводились меры по ее приведению в соответствие с Конституцией, решались сложные политические и социально-экономические задачи. Начальный период советского строительства

показал слабость советских структур, особенно на низовом уровне, неразграниченность полномочий между советскими органами, что приводило к частым конфликтам, столкновениям, неразберихе. Нехватка квалифицированных управленцев стала для советского аппарата одной из самых острых проблем. Новой власти были нужны такие управленческие кадры, которые с одной стороны обладали хотя бы минимальной квалификацией, а с другой были лояльны новой власти и не дискредитировали бы ее преступлениями по должности. Решение проблемы шло по пути усиления партийного контроля за Советами, что в период напряженной политической борьбы лета-осени 1918 г. приводило к частым «разгонам» Советов и «сколачиванию» аппарата. Если добавить к этому нежелание крестьянства работать в Советах, то картина будет полной: Советы в глазах населения перестают быть как органами реальной власти, так и местного самоуправления. На низшем уровне определяющую роль играла сельская община, «под которую как полагали крестьяне, следовало надстраивать и высшую власть». Действенного взаимодействия с общиной государственная власть в то время не пыталась наладить. Сельские Советы не обладали реальной властью на селе, «оставаясь фикцией, вывеской, прикрывающей ее (общины) всевластие» [15; с. 117]. В этой связи вся система местных Советов теряла устойчивость и для осуществления задач государственного управления в условиях гражданской войны оказалась малопригодной. Вот почему потребовалось создание чрезвычайных органов власти и управления.

К лету 1919 г., когда территория Вятской губернии была освобождена от войск Колчака, местные Советы «представляли из себя своего рода военные штабы, которые выполняли задания вышестоящих исполкомов». В таком порядке, по-военному, проводились и все распоряжения нижестоящими органами управления. Население смотрело на советских работников как на «обирал», т. к. представители власти лишь выколачивали продукты и деньги, заставляли выполнять повинности, взамен же ничего не давая. Выборы в Советы проходили пассивно. Даже на уездных съездах было трудно найти подлинных представителей низов. Выборность в сельских Советах и волисполкомах «свелась к отбыванию повинности. Нередки были случаи административного давления с целью вовлечения в советскую работу» [7; д. 2005, лл. 1, 2].

В источниках сохранилось подробное описание деятельности уездных и волостных Советов, исполкомов летом 1919 – зимой 1921 гг.

Из доклада члена губисполкома Васенева, командированного осенью 1919 г. в Уржумский уезд для проверки проведения продовольственной разверстки, явствует, что разверстка хлеба местной

властью «не только не проводилась, но еще и не была начата. Пришлось все самому организовать». Во «многих волостях» докладчик «натолкнулся на бездеятельность и халатное отношение к делу должностных лиц, а также на полный отказ населения от выполнения разверстки».

Обследование Байсинского волисполкома Уржумского уезда, проведенное им, показало, что он включает канцелярию и пять отделов. Все члены исполкома «бездействуют исключительно из-за нежелания работать ...» [16].

Подобную картину рисует председатель уездного исполкома Михеев на VI уездном съезде Советов в декабре 1919 г.: «... перед съездом я посетил 16 волисполкомов. Выяснилось, что члены многих находятся не на своих местах, не знают ни прав, не своих обязанностей и неизвестно, кто управляет волостью». Волисполкомы «не сумели подчинить себе селенные Советы, а последние – граждан своей деревни, из-за чего управление волостью было беспорядочным». Продармейцы и комиссары, приезжая в такую волость, становились «полными хозяевами и гоняли исполкомы столько, сколько им было угодно...». Касаясь деятельности волисполкомов, уездный финансовый комиссар Баранов подчеркнул: «...работа движется медленно, и только постоянные выезды, толкание и применение репрессивных мер приводит к желаемым результатам» [16; д. 2, л. 6 об., 22].

Уездный исполком был вынужден заявить об отмене перевыборов сельских Советов «до более благоприятного времени». Губернская власть распорядилась принять «решительные меры»: направила в уезд своих представителей и «продовольственные отряды с пулеметами» [7; д. 56, л. 312 об.].

Обследование работы волисполкомов Яранского уезда летом 1919 г. выявило неутешительную картину: «... члены волисполкомов не знают своих обязанностей, распоряжения Советской власти не выполняют. Каждый только старается отбыть поскорее трех месячный срок...» [17].

В докладе председателя Яранского исполкома VII Всероссийскому съезду Советов от 17 ноября 1919 г. подчеркивалось: «Выборы в волостные и сельские Советы через каждые три месяца разрушают советскую работу, члены исполкомов чувствуют себя случайными, а потому и безответственными. Для них работа в исполкоме – отбывание неприятной повинности» [18]. Сельские исполкомы «быстро прониклись начальническим духом и на политическую арену снова всплывает царский староста, который командовал населением и устрашал его». Признано необходимым привлечь к работе Советов широкие слои середняков, обложенным чрезвычайным налогом не свыше 10 тыс. руб. [18; лл. 67, 67 об.].

Положение не изменилось в 1920 г. и в начале 1921 г. Заведующий отделом управления Орловским уездом, докладывая IX уездному съезду Советов, констатировал печальный факт: работа волисполкомов находится «ниже всякой критики. Члены волисполкомов из-за короткого срока службы или сознательно не хотят, или по своей неразвитости не могут усвоить своих обязанностей». Нередко при ревизии обнаруживалось, что «распоряжения центра, губернской и уездной власти ими систематически не выполнялись и все дела находились лежащими в горах без движения...» [19]. Волостные комитеты труда, призванные проводить учет рабочей силы и способствовать выполнению повинностей, находятся «в полном хаосе, совершенно не проявляют своей инициативы, даже не имеют представления о возложенных на них обязанностях...» [19; л. 7].

Советы на части территории Слободского уезда, до ее вхождения в 1921 г. в состав вновь образованного Омутнинского уезда, были «слабы, члены их неопытны, зачастую в Советы пролезли местные торговцы, кулаки и прочий контрреволюционный элемент» [20].

В докладе председателя уисполкома Веселкова на IX съезде Советов Слободского уезда (март 1921 г.) подчеркивалось: «...советских работников все время не хватало, поэтому по уезду вместо членов уисполкома посылались разные уполномоченные». Председатель уика был перегружен работой, поэтому «думать об организационных вопросах было совершенно некогда, как невозможно было вникать в работу каждого отдела». Касаясь деятельности волисполкомов, Веселков подчеркивал: «Работа волисполкомов стоит очень низко. Даже есть волисполкомы, с которыми нет достаточной связи. У членов волисполкомов нет заинтересованности в своей работе, поэтому возникает хаос». Причины плохой работы исполкомов: «... население смотрит на работу в Советах как на трудовую повинность; бумажная волокита очень велика» [21; с. 18-20]. При обсуждении доклада председателя уисполкома делегаты высказывали немало критических замечаний: «Часто в волисполкомы попадали люди малоопытные, неправильно понимающие распоряжения Советской власти».

О настроениях советских служащих осенью 1919 г. сохранились сведения в сводке Вятской губЧК от 22 сентября: среди советских служащих Яранска «налицо полное отсутствие творческой инициативы. Приказано – делают, не приказано – не делают. В военкомате засели бывшие офицеры и военнослужащие старого покроя. Во время работы – апатичность и желание поскорее уйти с работы... О поднятии продуктивности нимало не заботятся».

По весьма обоснованному выводу С. В. Леонова, накануне нэпа «советская государственность находилась в состоянии глубочайшего кризиса... Местные Советы были практически безвластны». У Советов

не было «ни полномочий, ни ресурсов, ни соответствующих кадров, ни реальных демократических процедур» [22; с. 294, 295]. В то же время реальная власть сосредотачивалась в руках большевистской организации.

Таким образом, к началу 20-х гг. местные Советы фактически перестали быть органами местного самоуправления и превратились в чисто государственные структуры. Одна из причин – в самой природе советского строя, которую немецкий историк М. Рейман определил так: «Советская система была с самого начала не только зародышем новой власти, но и зародышем новой общественной структуры, отличной от структуры европейского буржуазного государства...» [23; с. 200].

Поэтому после революции 1917 г. земское и городское самоуправление фактически упраздняется, а Советы как самоуправленческие структуры превращаются в чисто государственные органы. В конце 20-х гг. ликвидируется и крестьянское общинное самоуправление.

Возникновение принципиально иной общественной и государственной структуры в рамках дореволюционного российского социума указывает на более глубинную причину – проблему взаимоотношения власти и общества. В исторической ретроспективе государственная власть не просто оказывала воздействие на общество, но часто радикально ломала его в угоду своим политическим, идеологическим целям. В этом ныне состоит самая большая опасность для подлинного развития самоуправления в России.

Список литературы

1. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: сборник докладов и материалов (1917-1918 гг.). – Ижевск, 1957.
2. Вятская правда. – 1918. – 29 февр., 10 янв.
3. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 165 б. Л. 4.
4. ГАСПИКО. Ф. 4112. Оп. 2. Д. 12. Лл. 59.
5. Известия Вятского губисполкома. – 1918. – 2 авг.
6. ГАКО. Ф. Р-884. Оп. 1. Д. 28. Л. 11. Ф.Р-881. Оп. 1. Д. 12. Л. 88. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.
7. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1656. Лл. 61, 62 об.
8. Журналы заседаний IV съезда Советов Орловского уезда. – Орлов, 1919. – С. 11-12.
9. Протокол III общеуездного съезда Советов. – Слободской, 1918. – С. 217.
10. Протокол Слободской уездной конференции РКП (б) (ноябрь 1918 г.). – Слободской, Б/г.

11. ГАСПИКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Лл. 10, 10 об.
12. Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.
13. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2.
15. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
16. ГАКО. Ф. Р-3454. оп. 1. Д. 13. Л. 354.
17. ГАСПИКО. Ф. 15. оп. 1. Д. 6. Лл. 133,133 об.
18. ГАКО. Ф. Р-882. Оп. 1. Д. 5. Л. 172 об.
19. Там же. Ф. Р-1374. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.
20. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.
21. Протокол IX Слободского уездного съезда Советов. – Слободской, 1920.
22. Леонов, С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 г. – М.: Диалог-МГУ, 1997.
23. Рейман, М. Заметки по интерпретации 1917 г. // Отечественная история. – 1994. – № 4-5.

❖ МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

И. В Лимонова

Социально-культурная адаптация
детей раннего возраста
в условиях групп кратковременного пребывания

I. V. Limonova

Tender Age Children Socio-cultural Adaptation
in Groups of Short Period Staying

В статье рассматривается актуальная проблема социальной адаптации детей раннего возраста. Автор приводит ряд причин, обуславливающих популярность групп кратковременного пребывания детей. Установлено, что в современной педагогической науке не выявлены содержание и структура социальной адаптации детей дошкольного возраста в условиях групп кратковременного пребывания.

Ключевые слова: социально-культурная адаптация, дети раннего возраста, группа кратковременного пребывания.

The article considers an important problem of tender age children adaptation. The author gives a number of causes determining a popularity of short period staying groups. It is stated that in the modern pedagogics the contents and structure of the social adaptation of pre-school age children in short period staying groups have not been searched out.

Key words: socio-cultural adaptation, tender age children, a short period staying group.

В целях организации непрерывной образовательной деятельности для детей раннего возраста Министерством образования РФ была сформирована трехлетняя экспериментальная программа по развитию новых форм дополнительного образования – групп кратковременного пребывания детей, в которых ребенок про-

ходит адаптационный период вместе с одним из родителей. Это облегчает его дальнейшее вхождение в образовательное пространство детского сада.

Проблема социальной адаптации ребёнка не нова, однако до сих пор остаётся одной из актуальных в силу трансформации определённых ценностных ориентаций. В последнее время социальная адаптация ребёнка перестаёт рассматриваться в биологическом аспекте приспособления индивида к новым условиям окружающей среды.

Опыт работы групп кратковременного пребывания показал, что данная форма дошкольного образования пользуется достаточно большим спросом среди населения. Это обусловлено рядом причин, основными из которых являются невысокая оплата образовательных услуг, возможность выбирать определённые занятия и посещать их вместе с ребёнком, а также – необязательность пребывания ребёнка в детском саду целый день с утра до вечера. Группы кратковременного пребывания детей, работающие в системе дошкольного и дополнительного образования, способны не только оказывать помощь в успешной социально-культурной адаптации детей раннего возраста, но и корректировать процесс их социального развития.

В современной психолого-педагогической науке для решения проблемы формирования социальной адаптации детей в условиях групп кратковременного пребывания сложились определённые теоретические предпосылки. Однако в практике отечественного дошкольного и дополнительного образования все чаще обнаруживаются противоречия между общественной потребностью в успешной социальной адаптации детей раннего возраста и недостаточной научно-теоретической и практической разработанностью этого вопроса в изменившихся социокультурных условиях; большим количеством образовательных технологий, ориентированных на решение проблемы социальной адаптации, и недостаточной изученностью факторов, способствующих социально-культурной адаптации детей раннего возраста в условиях групп кратковременного пребывания; существенным педагогическим потенциалом развивающей воспитательной среды учреждений дошкольного и дополнительного образования и фрагментарностью ее использования в целях успешной социальной адаптации в учебно-воспитательном процессе; эмпирическим опытом педагогических коллективов образовательных учреждений по решению проблемы социальной адаптации детей раннего возраста и не согласованностью точек зрения на эту работу.

Отмечая важность этой работы, скажем, что успешная социальная адаптация детей раннего возраста определяет, в т. ч., и успешность ребёнка в его дальнейшем обучении и развитии: постижение нормами культуры, принятие социальных требований, освоение спо-

совов совместного поиска и принятия решений, формирование представлений о себе на основе внутренних ценностей, интересов и потребностей.

В научных изысканиях Н. М. Борытко, Л. П. Буевой, Г. С. Костюк, Р. Мертона, Л. И. Новиковой, В. А. Петровского, Т. Парсонса и др. сложилось общее понимание социальной адаптации. В исследованиях И. В. Голенковой, проведенное в последние годы, установлено, социально-педагогическая адаптация ребенка понимается как педагогически регулируемый процесс его взаимодействия со средой, который характеризуется активностью, направленной на преобразование личности и среды в соответствии с меняющимися условиями и целями деятельности.

Потенциал групп кратковременного пребывания, согласно исследованиям И. В. Голенковой, как формы дошкольного и дополнительного образования детей в социальной адаптации обусловлен предметно- и культурно- развивающей образовательной средой, включающей в себя предметное окружение и систему социальных отношений взрослых с детьми в образовательном процессе по освоению ролевых позиций.

Социальная адаптация в науке понимается как приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, социально-педагогической группе системой норм и ценностей. Она осуществляется в процессе социализации, а также с помощью механизмов социального контроля, включающих меры общественного и государственного принуждения.

Как известно, социализация – (от лат. *socialis* – общественный), процесс усвоения человеком индивидуальными определенными системами знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества (Кон, 2002) – основная составляющая этого процесса.

Т. Парсонс и Р. Мертон понятие «социализация» раскрывают через понятие «адаптации» (от лат. *adaptare* – приспособлять) – «приспособление», «к изменяющимся условиям среды», «к реальным внешним условиям». По мере развития ребенок расширяет границы общения, тем самым постоянно обогащает свой внутренний мир, развивает и дополняет его. Этот процесс освоения социального мира, принятия знаний, норм и ценностей социального окружения принято понимать, как «социальная адаптация». Таким образом, первая характеристика социально-педагогической адаптации – это определение ее в качестве процесса.

Н. М. Борытко предлагает в моделировании педагогического процесса выделять его интенциональность (закономерную логику), дискретность (или стадийность), нелинейность (кризисность) и си-

туативность (зависимость от внешних условий). В свою очередь, пассивная социальная адаптация понимается как подчинение этим нормам; активная – как самоутверждение человека в мире в качестве деятельного существа (М. С. Каган, Л. Н. Коган, Л. Кольберг, В. Е. Давидович и др.). Соответственно выделяются два подхода в трактовке социально-педагогической адаптации: восходящий по Э. Дюркгейму и Т. Парсенсу субъект-объектный (субъект социализации общество, объект – человек) и субъект-субъектный (и общество, и человек – субъекты социализации), истоки которого можно найти в работах Ч. Кули и Дж. Г. Мида.

В исследованиях Д. Б. Богоявленской, Ю. Н. Кулюткина, Н. А. Милославовой адаптация понимается как процесс взаимодействия человека со средой, который разворачивается в виде поисковой активности, способствующей преобразованию человека и среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. Ч. Дарвин в известном произведении «Происхождение видов путем естественного отбора» обращает внимание на непрерывность процесса адаптации. Непрерывность – неразрывная связь в бытии или переход в становлении – «природа не делает скачков», что исключает дискретность процесса освоения окружающей действительности.

Адаптация непрерывна, поскольку и окружающий мир находится в постоянном изменении. В этом смысле дошкольный возраст – процесс вхождения, приобщения, освоения окружающей действительности, а психологи С. А. Шапкин, Л. Г. Дикая в своих исследованиях рассматривают адаптацию не только как процесс, но «и открытую систему, для которой характерно состояние подвижного равновесия, сохраняющее постоянство структур лишь в процессе непрерывного обмена и движения всех компонентов системы».

Ж. Пиаже считал, что детская адаптация, к окружению – это достижение равновесия между тем опытом, которым ребенок уже владеет и приспособлением к новой информации путем создания новых категорий и изменения структуры в целом. Он полагал, что новый опыт создает напряжение в системе (дисгармонию). В результате постоянного приобретения знаний и их приспособления система постепенно меняет всю структуру и восстанавливает равновесие в кризисных точках – таким образом и происходит развитие. Переход означает перестройку предыдущей схемы в абсолютно новую структуру, что предполагает закономерную логику развития.

Дошкольное детство – период становления качеств личности, «фактического складывания личности» (А. Н. Леонтьев). В психологии хронологические границы, соответствующие дошкольному возрасту определяются от 3 до 6–7 лет. Между возрастом и социальными возможностями индивида существует взаимосвязь. Еще П. Ф. Лесгафт

указывал на то, что познать человека можно только тогда, когда поймешь «строение и отправления его организма». В эти годы происходят физическое развитие и совершенствование интеллектуальных возможностей ребенка. Для социально-педагогической адаптации важное значение имеют: индивидуальная психологическая готовность и возрастные особенности детей.

Совместные действия ребенка с взрослым помогают установить ситуативно-действенный контакт, расширить опыт общения и сформировать потребность в коммуникации. На протяжении дошкольного возраста происходит переход от неустойчивого воспроизведения ребенком образца, заданного взрослым, к все более устойчивому и адекватному его воспроизведению, основанному сначала на подражании ребенком действиям взрослого и выполнению его прямой инструкции, а затем к устойчивой ориентации на образец как эталон построения собственных действий. По мере формирования устойчивой ориентации на образец возникает ориентировка ребенка на правило. Первоначально ориентировка носит чисто исполнительский характер – правило выступает как алгоритм действий и операций, подлежащих воспроизведению, а лишь позже приобретает смысловой характер, определяя отношение каждого действия и операции к конечной цели.

Овладевая при помощи взрослого укорененными способами практического действия с вещами, нормами морали, формами эстетического созерцания и многим другим, ребенок проходит нелегкий путь становления человеком. Однако взрослый, не просто помогает ребенку в этом. Он выступает для него «полномочным представителем» культуры, является посредником между культурой и ребенком. Ведь взрослый уже «состоявшийся» гражданин человеческой культуры, живой носитель его традиций, норм и законов.

При посредничестве взрослого ребенку еще предстоит освоить мир культуры, найти в нем свое собственное место. Современная психология рассматривает детское развитие как процесс приобщения ребенка к этому миру и его самоопределения в нем. Модель строится на присвоении культуры как творческом процессе, в котором у ребенка закладываются, развиваются и проявляются важнейшие созидательные способности – творческое воображение, постигающее мышление, ориентация на позицию другого человека, произвольность, эмпатия, элементы рефлексии и др. В этом процессе ребенок и взрослый совместными усилиями превращают содержание исторического опыта человечества в систему открытых проблем, которые подлежат специфическому осмыслению со стороны ребенка и взрослого.

В группах кратковременного пребывания сотрудничество с семьей становится решающим фактором, так как полноценное образо-

вание ребенок может получить лишь в том случае, если родители играют и общаются с ним дома, используя рекомендации профессиональных педагогов. В процессе жизни и деятельности в группах кратковременного пребывания дети усваивают определенные нормы взаимоотношений и со сверстниками. У них складываются определенные способы поведения, которые постепенно закрепляются, как более или менее устойчивые нравственные качества личности.

Осуществление грамотной воспитательной работы, как считает Е. В. Бондаревская, «предполагает воспитание у детей культурных смыслов жизни, создание культурной среды их жизнедеятельности, приобщение к ценностям общечеловеческой и национальной культуры, включение в диалог и культурное творчество», а также «не навязывает те или иные ценности, а лишь создает условия для их узнавания, понимания и выбора, стимулирует это выбор и последующую внутреннюю работу ребенка над своими действиями и поступками». Реализация этого принципа позволяет имитировать социальную среду.

Организация воспитательно-образовательного процесса в группах кратковременного пребывания детей зависит от нескольких факторов, а именно: модель, по которой функционирует группа, вид группы, возраст детей, посещающих группу. В зависимости от направления работы группы определяются цели и задачи воспитательно-образовательного процесса, обоснованные в положении о группе кратковременного пребывания.

После окончания периода адаптации проводится педагогическая диагностика развития ребенка. По ее итогам и результатам исследования семьи проходят, анализируются полученные данные, и составляется индивидуальная программа развития ребенка и план взаимодействия с семьей.

Таким образом, благодаря тому, что дети вступают в сотрудничество и общение и друг с другом, у них развиваются действия, особого рода – действия по подражанию, по образцу действия других. Эти действия отличаются от примитивных инстинктивно-подражательных реакций тем, что они строятся именно как действия по образцу, по социальной модели, которая усваивается, ассимилируется субъектом.

Вместе с тем, потенциал групп кратковременного пребывания в социализации ребенка реализуется не в полном объеме, поскольку в современной педагогической науке не выявлены содержание и структура социальной адаптации детей дошкольного возраста в условиях этих групп.

И. В. Голенкова справедливо предлагает осуществлять процесс вхождения в группу кратковременного пребывания поэтапно: пер-

вый этап – ситуация, предстояния, стимулирование интереса к группе кратковременного пребывания, как новой социальной среде, осознание ее значимости для успешной адаптации; для самореализации; второй этап – ситуация осознания, приобщение к образцам культурной деятельности на основе получения новой информации, формирование личного отношения к событиям, явлениям в жизни, создания условий для активного приобщения детей к социальной действительности, повышения личностной значимости для них того, что происходит вокруг, закладывает предпосылки развития способности ребенка вставать в предметное отношение к собственной жизнедеятельности, и является необходимым условием развития его субъективности; третий этап – ситуация воспроизведения, основанием для создания которой служит игра с многоликостью форм поведения. Апробация этих этапов представляется нам целесообразным и действенным способом решения этой проблемы.

Сведения об авторах

Александрова Наталья Сергеевна,

заведующая кафедрой педагогики Вятского социально-экономического института, профессор, доктор педагогических наук

E-mail: nauka@vsei.ru

Гаврилюк Елена Дмитриевна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Вятского социально-экономического института, кандидат юридических наук

E-mail: gumanitar@vsei.ru

Гончарук Алексей Юрьевич,

профессор кафедры социальной и семейной педагогики факультета социальной работы, педагогики и ювенологии Российского государственного социального университета, доктор педагогических наук

E-mail: a-goncharuk@bk.ru

Капустин Александр Григорьевич,

декан факультета адаптивной и физической культуры, доцент Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат педагогических наук

E-mail: sportfac@vshu.kirov.ru

Лимонова Ирина Владимировна,

заместитель директора МКОУ для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр диагностики и консультирования» г. Кирова, учитель-логопед

E-mail: nauka@vsei.ru

Пекшев Алексей Викторович,

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, доцент, кандидат медицинских наук

E-mail: gumanitar@vsei.ru

Помелов Владимир Борисович,

профессор кафедры педагогики Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук

E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Рогова Наталья Николаевна,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Вятского
социально-экономического института, кандидат юридических наук
E-mail: gumanitar@vsei.ru

Сизов Владимир Сергеевич,

ректор Вятского социально-экономического института, профессор,
доктор экономических наук, кандидат философских наук
E-mail: rektor@vsei.ru

Тимкин Юрий Николаевич,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вятского
социально-экономического института, кандидат исторических наук
E-mail: gum1@vsei.ru

Трушков Сергей Александрович,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
доцент, кандидат исторических наук
E-mail: gum1@vsei.ru

Фищева Татьяна Павловна,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Вятского социально-экономического института
E-mail: gumanitar@vsei.ru

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ПЕДАГОГИКА. ОБЩЕСТВО. ПРАВО»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в рецензируемом журнале необходимо представить в редакцию:

а) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;

б) текст статьи в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже).

Статьи аспирантов (без соавторов) публикуются бесплатно на конкурсной основе.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование.

Редакционный совет оставляет за собой право отклонить статью или вернуть её на доработку.

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА**

1. Предоставляемый материал (статьи, дискуссионные материалы, рецензии, обзоры) должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

2. Рукопись представляется на русском языке, при этом прилагается название статьи, основные сведения об авторе (фамилия, инициалы, должность, место работы, ученая степень, город, адрес электронной почты), краткая аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

3. Объем текста для авторов, не имеющих ученой степени, – до 20 000 печатных знаков (0,5 авт. л.), для авторов, имеющих ученую степень, – до 40 000 печатных знаков (1 авт. л.).

4. Для выделения отдельных пунктов в тексте или графическом материале необходимо использовать только арабскую нумерацию.

5. В конце статьи приводится список литературы. Образец смотрите на www.vsei.ru.

6. Библиографические записи должны быть расположены в алфавитном порядке. При упоминании или цитировании в тексте приводится номер библиографической записи и страница источника в квадратных скобках, например: [25, с. 61], [12, с. 1-8].

7. Текст необходимо набирать в формате страницы А4, с межстрочным расстоянием «полуторный». Поля текста – по 2 см. Страницы должны быть пронумерованы. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта – 14.

8. Графический материал должен быть представлен в приложении к «Word», например, «Microsoft Graph».

9. Математические формулы оформляются через редактор формул «Microsoft Equation 2.0», а их нумерация проставляется с правой стороны.

Сведения об авторе (на отдельном листе).

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
 2. Специальность.
 3. Ученая степень, звание, должность на кафедре.
 4. Полное название кафедры, вуза.
 5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, звание, должность).
 6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail.
- Аспиранты очной формы обучения и докторанты указывают ведущую кафедру и полное название вуза;
 - Аспиранты заочной формы обучения и соискатели указывают место работы и должность.

Статья, сведения об авторе и скан-копия заключения кафедры передаются в редакционный совет по электронным адресам: nauka@vsei.ru (Александрова Наталья Сергеевна), rus@vsei.ru (Мальцева Светлана Александровна). В ответ Вы получите подтверждение в том, что письмо получено редакцией (если не получите подтверждение в течение 3-х дней – звоните нам по тел.: (833-2) 37-51-61).

Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели! Журнал распространяется по подписке и адресной рассылке в Российской Федерации и зарубежных странах. При оформлении подписки на журнал через агентство «Пресса России» подписной индекс **91728**.

П о ч т а Р о с с и и												Ф СП - 1			
АБОНЕМЕНТ на журнал										9 1 7 2 8				(индекс и здания)	
ПЕДАГОГИКА.										Количество комплектов		[]			
ОБЩЕСТВО. ПРАВО										Количество комплектов		[]			
на 20 14 год по месяцам															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
Куда [] [] [] [] [] []				(почтовый индекс)				(адрес)							
Кому _____															
[] [] []			[] [] []			[] [] []			ДОСТАВОЧНАЯ			9 1 7 2 8			
ПВ			место			литер			КАРТОЧКА						
на журнал ПЕДАГОГИКА, ОБЩЕСТВО, ПРАВО															
Стоимость		подписки				руб.		количество комплектов							
пер. адрес.		руб.				руб.		количество комплектов							
на 20 14 год по месяцам															
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]	[]		
(по почтовый индекс)		город		село		область									
район		улица													
дом	корпус	квартира	(фамилия, и.о.)												

Уважаемые коллеги!

**Предлагаем вам размещение рекламы и рекламных статей
в нашем журнале**

Дополнительную информацию вы можете получить на сервере
www.vsei.ru
(раздел «Аспирантам» – «Научные публикации»)

Главный редактор – *Н. С. Александрова*
Зам. главного редактора – *Н. В. Булдакова*
Ответственный редактор – *С. А. Мальцева*
Дизайн обложки – *А. А. Сизова*

Учредитель:
НОУ ВПО «Вятский социально-экономический институт»

Свободная цена

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Казанская, 91.
Тел./факс: (833-2) 67-02-35, (833-2) 37-51-61, (833-2) 62-35-43.
E-mail: nauka@vsei.ru, rus@vsei.ru
www.vsei.ru

Подписано в печать 22.12.2014 г. Тираж 500 экз.
Формат 68x84/16. Объем 6,53 усл. печ. л. Заказ 255.

Отпечатано в ООО «Издательство «Аверс».
610020, г. Киров, ул. Труда, 70.
Тел.: (833-2) 47-42-77; e-mail: avers@kirovnet.net